

Наталья Андреева

детектив & загадка

Парижская тайна,
или Истина в вине

Наталья Андреева

**Парижская тайна,
или Истина в вине**

«Автор»

2012

Андреева Н. В.

Парижская тайна, или Истина в вине / Н. В. Андреева —
«Автор», 2012

ISBN 978-5-699-60501-9

На что только не способен истинный коллекционер, чтобы заполучить раритет! Даже на убийство... Гости миллионера Дмитрия Воронова вино не пьют, они его вкушают. А некоторые бутылки так никогда и не будут открыты, даже пыль на них – и та священна! Как заманить в дом смертельного врага, если этот враг – коллекционер? Лишь пообещав ему нечто особенное. Например, уникальную, единственную в мире бутылку вина, где в качестве этикетки использована аппликация самого Матисса! Так что теперь это не только вино, но и произведение искусства. Цена его давно уже измеряется не в деньгах, а в человеческих жизнях. И битва за раритет продолжается...

ISBN 978-5-699-60501-9

© Андреева Н. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Моим читателям	5
Париж, винный аукцион	6
Год спустя	15
Бордо	22
Винный погреб	28
Аперитив	36
«Бургундское»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталья Андреева

Парижская тайна, или Истина в вине

In Vino Veritas

Моим читателям

Этот роман – причудливый коктейль из вымысла и реальности, хитросплетение исторических фактов и моей фантазии. Описанные в нем события никогда не происходили, все персонажи вымышленные, место действия выбрано произвольно. Но зато вино – реальное действующее лицо с многовековым прошлым. Вокруг него все и вращается, в том числе и детектив.

Тема выбрана не случайно, коллекционирование вина постепенно входит в моду, все больше людей предпочитают его другим алкогольным напиткам, об этом много говорят и пишут. И, разумеется, спорят. О вреде и пользе, о том, вина какой страны лучше, а какой хуже и что следует предпочесть, если хочешь устроить себе и гостям настоящий праздник.

Что касается меня, то я вот уже несколько лет пытаюсь во всем этом разобраться и, наконец, решила поделиться с вами своими маленькими открытиями. Перед тем как написать роман, я изучала и специальную литературу, и журнальные статьи, много полезной информации нашла в Интернете. Но не у всех ведь есть на это время, да и цены на книги о вине «кусаются», видимо, тема «дорогая». Самое интересное, что я отыскала, использовала в этом романе. О том, к примеру, как делают настоящее французское шампанское и почему оно так дорого, особенности вин, названия которых у всех на слуху, какая информация содержится в этикетке и как ее правильно читать и так далее.

Само собой, вся эта информация будет подана на фоне стремительно развивающегося детективного сюжета. Это ни в коем случае не продукт-плейсмент, никаких магазинов, бутиков, торгующих вином, и ресторанов, где его подают к столу, я не рекламирую. Да и за вино не агитирую. Я просто занимаюсь тем, что мне интересно, пишу об этом, а без упоминания вин, и без того известных на весь мир, тут не обойдешься. Но повторяю: никакой рекламы.

Мне просто хотелось, развлекая, рассказать о том, что мне лично кажется не только интересным, но и познавательным для читателя, расширить его винный кругозор. Получилось или не получилось, хорошо это или плохо, судить вам.

Что касается меня, работая над книгой, я получила удовольствие, узнала много нового и, поставив точку в романе, почувствовала сожаление.

Наталья Андреева

Париж, винный аукцион

Осень незаметно прокралась в город. Глоток за глотком, смакуя, выпила до дна янтарное летнее тепло с парижских улиц, и воздух зазвенел, как опустевший хрустальный бокал, и слегка помутнел. Стало прохладно и сыро, прошел день, другой, и, наконец, хрусталь был обильно промыт дождем, после чего на Париж опустился густой туман. Приближался ноябрь.

Плохая погода огорчала туристов. Дожди и туманы затрудняли осмотр парижских достопримечательностей, да и холод был неприятен во время долгих прогулок по городу. Париж все ежился и хмурился под морозящим дождем и был не очень-то приветлив к своим гостям. Его тоже хотелось выпить до дна, этот город-праздник, до полного опьянения, весь, включая затерянные улочки и старинные особняки, у каждого из которых есть своя история. И вернуться уже не за новыми ощущениями, а за собственной историей любви и грусти, потому что расставание неизбежно. Праздник не может продолжаться вечно, иначе он перестанет опьянять, и какой же тогда в нем смысл? В общем, стояла глубокая осень, время печали. Приближался ноябрь...

Но зато светская жизнь в Париже бурлила. Из последних событий внимание всех привлек винный аукцион, который должен был состояться в конце недели. Слухи ходили разные. На торги выставилась принадлежащая городу коллекция из пяти тысяч бутылок! И какого вина! Ее собрали в период с 1977 по 1995 год, когда мэром французской столицы был Жак Ширак. Он лично руководил закупками эксклюзивных вин, которые обычно подаются к столу на торжественных приемах для особо важных гостей, и, говорят, знал в этом толк.

Содержание редких вин удовольствие дорогое. Никакое другое творение рук человеческих с помощью Божьей, солнца и земли не является столь же деликатным продуктом, как вино. Разлитое по бутылкам, оно может сохранить тонкий букет и аромат на долгие годы, если будут созданы надлежащие условия хранения. Вино не переносит света и тепла, а также перепадов температуры, в которой оно находится, с места на место. От света портится благородный цвет напитка, от тепла портится его вкус, от тряски появляется осадок. Знатоки съезжаются на винные аукционы прямо к месту хранения эксклюзивных вин, в старинные замки с прохладными погребами, дабы не потревожить благородный напиток перевозкой. Поэтому ревизоры и приняли решение избавиться от парижской коллекции, пока она не пришла в полную негодность. Да не просто избавиться, а с большой выгодой.

Год назад так же ушла с молотка коллекция вин экс-президента страны Франсуа Миттерана. В ней насчитывалось пятьдесят бутылок вина, многие из которых были ценными подарками главе государства. На аукционе некоторые вина уходили по цене в двадцать раз выше стартовой! К примеру, за бутылку арманьяка, разлитого в 1982 году самим Миттераном, неизвестный выложил почти две тысячи долларов. Поэтому коллекцию из пяти тысяч бутылок город рассчитывал продать не менее чем за миллион евро. Аукцион должен продлиться два дня.

Что же касается слухов... Коллекционеры все равно что безумцы, ради редчайшего экземпляра готовы на все. И две тысячи долларов за бутылку далеко не предел. Есть ведь так называемые вина «с историей». Подаренные знаменитости знаменитостью. Или те, что собирались выпить по торжественному случаю лица, известные всем, но этого по какой-либо причине не случилось. Еще дороже вино, когда история его, или *причина*, замешана на крови. К примеру, на убийстве из ревности или ограблении. Единственная бутылка в мире, уникальный экземпляр! Раритет! Эксклюзив! Понятно, что это вино никто и не собирается пить. Оно – жемчужина коллекции, ее гордость, украшение и стоит сумасшедших денег.

Так вот, что касается слухов... Существовала история, в которую мало кто верил. И бутылка вина, которую никто никогда не видел. Но все о ней слышали. И по слухам, она осела

именно в парижской коллекции и будет на днях выставляться на торги. Поэтому сюда и съехались знатоки вин со всего мира, известные коллекционеры, владельцы многотомных, читай, многолитровых винок, уникальных экземпляров. Многие американцы, азиаты, а также русские с середины девяностых принимали все более активное участие в аукционах, касалось ли это драгоценностей, картин или антиквариата. Теперь дело дошло и до коллекционных вин. Это постепенно входило в моду в России. Каждый уважающий себя русский миллионер имеет нерядовое собрание вин, а в нем одну-другую бутылочку немалой цены, которую не зазорно распить по особому случаю либо подарить чиновному лицу, от которого зависит принятие жизненно важных решений. Дорогое французское вино стало непременным атрибутом богатой жизни, вопиющей роскоши и элитарности. О нем говорят, о нем пишут, а дегустации собирают публику с туго набитыми кошельками.

Русских теперь опасаются все, ведь именно они стали королями аукционов. Возникает ощущение, что карманы у них бездонные, а возможностям нет предела. Конкурировать с ними трудно. Иностранцы пребывают в унынии, вид у русских всегда решительный. И хотя в России продажа спиртных напитков частными лицами запрещена, все равно приезжают и покупают. Хотя заработать в своей стране на перепродаже коллекционных вин в открытую не могут. Для этого пришлось бы вновь вывозить вино из страны и выставлять, к примеру, на аукционе Сот-бис. В последнее время в моду входили и онлайн-аукционы, где тоже можно неплохо заработать, да и в самой России появились винные клубы, сообщества любителей этого изысканного напитка, коллекционеров, обменивающихся раритетами или же тайно продающих их друг другу.

Надежда у иностранцев была одна: вина много, хватит на всех. Пять тысяч бутылок – это не пятьдесят. Американцы, которые раньше правили бал на винных аукционах, оживленно что-то обсуждали, косясь на конкурентов из России, отчаянно жестикулировали, громко смеялись, в общем, вели себя нагло и шумно. Мы, мол, вас не боимся! Мы пришли сюда раньше и скупили все самое лучшее! Азиаты сосредоточенно изучали заявленные лоты, ожидая начала торгов. Из серьезных игроков на Парижском аукционе присутствовали пятеро русских. Все – люди известные, состоятельные, владельцы самых солидных в России винных коллекций, приблизительная стоимость каждой была от полумиллиона евро. И все они прекрасно друг друга знали. Четверо мужчин и одна женщина. Поздоровались, обменялись любезностями, помотришь – лучшие друзья.

На самом деле все они были соперниками и втайне друг друга ненавидели. У истинного коллекционера друзей нет. Его лучшие друзья уютно устроились в специальных шкафах, если он помешан на вине. Ждут своего часа. Своей минуты. Момент, когда освобожденному из бутылки багряному цветку божественного нектара представится возможность раскрыться в бокале из тонкого стекла, оставив на его стенках маслянистые прозрачные лепестки и явив миру изысканный аромат. Слышит голоса своих любимцев только хозяин, он же их преданный слуга, отважный защитник. Чем дальше, тем больше. Сначала коллекция отбирает деньги, потом время, а потом и время и деньги, превращаясь в навязчивую идею. Мысль о том, что у кого-то есть то, чего нет у тебя, невыносима. Желание только одно: «Хочу это заполнить».

«Я это хочу», – думали пятеро в ожидании начала торгов. И все они мечтали при этом о той самой, заветной бутылке вина. Неужели она существует? Среди лотов, заявленных на аукционе, «Мутон-Ротшильд» 1949 года не значился. На слух так, ничего особенного, огромных денег не стоит и предынфарктным состоянием в случае потери не грозит. Если бы не его уникальная история...

... – Дамы и господа! Лот номер двадцать два! «Шато Мутон-Ротшильд» миллезима 2000 года! Стартовая цена одна тысяча евро!

– Одна сто.

– Одна тысяча пятьсот.

- Одна восемьсот...
- Две тысячи...
- Продано!
- Лот номер пятьдесят...

... Аукцион подходил к концу. Большинство коллекционеров, приехавших сюда, ждало разочарование. Практически все лучшие вина парижской коллекции скупил господин лет сорока – сорока пяти, в отличном костюме и с изысканными манерами, невозмутимо называющий запредельные цифры за эксклюзивные лоты. У него были темные волосы, густые брови, глубокие карие глаза, нос с горбинкой и смуглая кожа, тем не менее американцы переглядывались и пожимали плечами:

- Русский.
- А в конце аукциона:
- Сумасшедший русский!

По их подсчетам, невозмутимый господин потратил на эксклюзивное вино чуть ли не триста тысяч евро, скупив добрую часть всей Парижской коллекции!

– Дмитрий, может быть, ты остановишься, – кисло сказала по-русски сидящая рядом с ним женщина средних лет в платье с глубоким декольте и при великолепных бриллиантах. Что ей, впрочем, не шло, она была некрасива. Черты лица резкие, нос короткий, брови и ресницы редкие, а подбородок слишком уж крутой, такие еще называют «волевой». Высокая вечерняя прическа ее не красила, да и висячие сверкающие серьги казались приставленными от другого лица. Тем не менее она привлекала всеобщее внимание. Что-то такое в ней было.

– Я сегодня в ударе, – отмахнулся смуглый брюнет.
– Оставь что-нибудь и мне.
– Ты еще не бросила пить?
– Представь себе, нет! – резко ответила женщина. – Только вошла во вкус! Я хочу бутылочку этого вина!

– «Шато Шеваль-Бланк» миллезима 1989 года, стартовая цена одна тысяча евро! На торги выставляется пять бутылок! – объявил ведущий аукциона.

– Этого добра здесь хоть отбавляй! – улыбнулся брюнет. – Пожалуйста, Елизавет Петровна, бери! Меня это не интересует.

- Одна тысяча двести...

Но как только на торги было выставлено очередное эксклюзивное вино, смуглый брюнет тут же дал такую цену, что все остальные отступились.

– Нет, это же откровенное свинство! – сказал сидящий за его спиной соотечественник. – Воронов хочет нас наказать на билет до Парижа и обратно плюс стоимость отеля! Зря, мол, приперлись!

– Да ладно вам приобедняться, Ваня, – пропел пожилой господин солидной комплекции, характерно картавя. – Вы летаете на собственном самолете. Вам вовсе не надо тратиться на билеты.

«Тратиться». Мелкий вздох. Тратиться всегда неприятно. Господин страдал одышкой и то и дело вытирал пот со лба, несмотря на то что в зале поддерживался комфортный умеренно прохладный климат. Народу было много, да и накал страстей оказался высок.

– А бензин? – хмыкнул Ваня.
– На бензин я тебе дам, – обернувшись, оскалился Воронов.
– Огромное спасибо!
– Так и быть, подам на бедность Ивану Таранову. Небось за президентские апартаменты в отеле последние деньги отдал?

- Маленько осталось.

– Скромнее надо быть, Таранов, тогда и на бензин у друзей стрелять не придется. Я знаю, чего вы все жметесь. Ждете ее. А если ее не существует? Торги-то заканчиваются! И лот не заявлен! Так откуда?

– Не заявлен, значит, не заявлен, – наконец, подал голос и пятый король коллекционного вина, хранящегося в прохладных и необъятных российских погребах. Ничем не примечательная внешность, такой же безликий серый костюм, стального цвета глаза, темно-русые редкие волосы, средний рост, среднего телосложения. Федор Иванович Сивко. Скромный человек нескромных возможностей, которые он не спешил реализовывать. И на этом аукционе тоже.

– И последний лот, господа! Наше лучшее вино! Сотерн! «Шато д'Икем»! Вашему вниманию!

Русские переглянулись и разочарованно выдохнули. Неужели все?

– Зря деньги сэкономили, господа коллекционеры, – усмехнулся брюнет. – Можете теперь потратить их любимым женам на подарки. А Елизавета Петровна на себя, поскольку в данный момент не жената.

Дама с огромными бриллиантовыми серьгами в ушах бросила на него злой взгляд и поджала губы.

– У меня в паспорте вроде бы штампа о браке нет, – усмехнулся Иван Таранов.

– Зачем тебе жениться, если у тебя гарем? Тебя, Таранов, непременно посадят за многоженство. И на подарках красоткам разоришься. Слушай, продай мне свою коллекцию, а? У тебя другая страсть, ты в коллекционное вино просто деньги вкладываешь.

– Я подумаю. Стоимость-то моей винотеки с каждым годом растет. Годика два подумаю, а потом поговорим.

– Вы и обо мне тогда не забудьте, Ваня, – тонко улыбнулся пожилой господин.

– Ни в коем случае, Лев Абрамович! – Коллекционеры переглянулись: а протянешь ты годика два-то? Все они знали, что Лев Абрамович серьезно болен.

– Ну что, господа? – встрепнулся Сивко. – Расходимся, пожалуй?

– Неудачный день, – пожевал губами Лев Абрамович и нервно затеребил манжету. – Крайне неудачный.

– Торги закончены!

– Ну, вот и все! Какой удачный день! – Смуглый брюнет с улыбкой встал.

Американцы шли к выходу, косясь на «сумасшедшего русского». Попробуй-ка, потягайся с таким! А русский не спешил уходить. «Не может быть, что все вот так закончится. Не может этого быть», – думал он и медлил. Но события не развивались вплоть до того момента, когда он подошел к своей машине. И тут его негромко окликнули:

– Месье!

Дмитрий Воронов обернулся. Молодой человек в смокинге и при бабочке подошел к нему и вежливо сказал:

– Я думаю, месье, что вам это будет интересно. Вы так активно участвовали сегодня в торгах...

Воронов не очень хорошо говорил по-французски, но понимал все. Главное он понял: вот и начнется все самое интересное.

– Я вас внимательно слушаю.

– Месье говорит по-английски?

– Конечно!

– Через час состоится закрытые торги, – на отличном английском сказал неизвестный. – Для очень узкого круга. На них выставляется всего одна бутылка вина.

– «Мутон-Ротшильд» 1949 года?

– Да.

– Значит, это правда?

– Да, месье. Она существует. И вы ее сегодня увидите. Вот адрес. Если вам будет угодно...
– Угодно!

Воронов буквально выхватил из рук молодого человека визитную карточку и, взглянув на нее с жадностью, тут же сказал:

– Я еду!

Молодой человек сразу исчез.

– Вот теперь-то и начинается все самое интересное! – вслух сказал Дмитрий Воронов и в нетерпении полез в машину.

...Видимо, всех приглашенных знали в лицо. Когда Воронов прибыл на место, его ни о чем не спросили, тут же впустили и без всяких комментариев провели в маленькую, очень уютную комнату, сплошь задрапированную бархатной тканью теплых, согревающих тонов, где попросили подождать.

– Месье желает чай, кофе? Или, может, бокал вина? Какое вино предпочитает месье, белое, красное?

– Воды. Минеральной, без газа. И все.

Он, слегка волнуясь, откинулся на мягкие диванные подушки и замер. Надо сосредоточиться. Скоро он увидит ее. Принесли минеральную воду, он сделал глоток и отставил стакан в сторону, тут же забыв о нем. Дмитрий Воронов был истинным коллекционером. Самым, пожалуй, страстным в этой компании, недаром он сегодня не скупился. А за этой бутылкой вина Воронов охотился давно. Потому что она была единственной в мире. Если, конечно, существовала. Легенда же гласила следующее.

Барон Филипп Ротшильд полвека добивался того, чтобы его вино под названием «Шато-Мутон Ротшильд» перевели в высшую категорию, куда входили лишь вина четырех винодельческих хозяйств Франции. Изменить закон трудно, практически невозможно. И никому этого еще не удавалось. Но барон был неординарным человеком. Известный автогонщик, переводчик, театральный продюсер, свой досуг он посвятил восстановлению виноградников некогда знаменитого замка и созданию одного из лучших в мире вин. И цели своей он добился, хотя на это и ушел пятьдесят один год.

Для того чтобы его вино прославилось на весь мир, Филипп Ротшильд придумал оригинальный ход. Начиная с 1945 года этикетки для «Шато-Мутон Ротшильд» рисовали известные художники. По случаю окончания Второй мировой войны и в честь великой победы Филиппом Жулианом был изображен символ «V», Victory, Победа.

С тех пор на этикетках каждого неординарного творения процветающего винодельческого хозяйства барона Ротшильда стали появляться оригинальные произведения. Сначала барон заказывал их своим друзьям, среди которых были талантливые художники, а в благодарность посылал несколько ящиков вина. Друзья были довольны и охотно рисовали для барона. Знаменитости же поначалу отказывались связывать свое имя с потребительским товаром. Впоследствии это стало настолько престижным, что создать этикетку для одного из лучших в мире вин вызвались великие Сальвадор Дали, скульптор Сезар, Василий Кандинский, Марк Шагал, Пабло Пикассо.

Но первые попытки барона связать гениальное вино с гением от искусства были неудачными. Легенда гласила, что в 1949 году Филипп Ротшильд обратился не к кому-нибудь, а к самому Анри Матиссу! Попросил разрешения использовать фрагмент его произведения для винной этикетки. Гений был возмущен. Сороковые годы оказались не лучшими для Матисса. Он перенес тяжелую операцию, долго болел, а потом увлекся аппликацией из бумаги, создавая *нечто*. Барон справедливо считал, что они найдут общий язык. Его жена погибла в концлагере, родные Матисса тоже были арестованы во время оккупации. И в самом деле, Матисс не смог отказать ему напрямую, но использовать любую свою картину для какой-то там винной

этикетки категорически запретил. Вместо этого он подарил барону странную аппликацию из простой бумаги, наклеенные в беспорядке разноцветные кусочки, обозначающие *нечто*.

Барон на это ничего не сказал, но использовать «творение» гениального художника не собирался. Филипп Ротшильд считал свое вино неординарным и достойным уважения. Правда, впоследствии он простил Матиссу, когда тот изображение для этикетки создал следующим образом: положил на лист бумаги несколько гаек и булавок и опрыскал из пульверизатора черной краской. А потом закрасил следы от гаек и иголок красным цветом.

Что ж, у гениев свои причуды, и не всегда они понятны простым смертным. Этикетку «Шато-Мутон Ротшильд» 1949 года нарисовал один из друзей барона Анри Динимон. Аппликацию Матисса барон дополнил, написав от руки год урожая и свой девиз: «Первым быть не могу, вторым не хочу. Я Мутон!» и собственноручно наклеил ее на бутылку. Он был человеком крайне амбициозным.

По слухам, эта бутылка была подарена бароном Жаку Шираку, когда тот подписал-таки указ о присвоении винодельческому хозяйству упрямого Ротшильда первой категории. Это произошло в 1973 году. И вот сегодня состоялась распродажа знаменитой парижской коллекции. Предполагали, что раритет «заблудился» именно там. И пора бы ему предстать перед коллекционерами.

Все понимали, что уникальность этой бутылки вина заключается в единственной в мире этикетке, которые давно уже и сами стали предметом коллекционирования. Впрочем, и вино было достойное, хотя его пригодность для питья еще предстояло определить. Сухие вина не такие долгожители, как, к примеру, арманьяки или вина крепленые. Но ценности бутылки это не умаляло. Из-за этикетки.

... – Прошу, месье.

Лакей откинул тяжелую занавесь и жестом пригласил богатого русского месье пройти. Одновременно с ним в зал вошли еще четверо. Увидев их, Воронов чуть не рассмеялся.

– Похоже, господа, мы рано попрощались! – с улыбкой сказал он.

Все его соперники оказались здесь. Невозмутимый Сивко пожал плечами, Елизавета Петровна тонко улыбнулась, Иван Таранов расправил плечи, а Лев Абрамович коротко вздохнул. Кроме них, в зале присутствовал седовласый мужчина важного вида.

– Мы пригласили сюда наиболее активных участников прошедших торгов, – пояснил он, и слова эти тут же перевели. Не все из присутствующих знали французский. – Думаю, пятерых вполне достаточно, чтобы разыграть приз, которому нет цены.

– Цена есть всему, – негромко сказал Лев Абрамович и нервно поправил манжету белоснежной сорочки. Костюм его был хорош, но рукава отчего-то коротковаты.

Коллекционером он являлся страстным, поговаривали даже, что семидесятидевятилетний старец выжил из ума. И уже лет десять как. Его скандальная женитьба в преклонном возрасте на девятнадцатилетней порнозвезде повергла всех в шок. Особенно наследников. А уж когда девица родила сына... Ах, какой разразился скандал! Льва Абрамовича разрывали только две страсти: коллекция вин и стяжательство. О его скупости тоже ходили легенды. О том, что он, имея миллионы, летает эконом-классом и ездит в автобусе бесплатно, предъявляя пенсионное удостоверение. За глаза называли его даже «старым маразматиком». Но если уж он на что-то решался... Взять хотя бы историю с порнозвездой. Насчет завещания Льва Абрамовича выдвигались самые смелые предположения.

– Господа, прошу вас садиться.

Мебели в зале, куда пригласили именитых гостей, было немного, но вся она антикварная, словно господа собирались торговаться в каком-нибудь музее. В центре, под причудливой бронзовой люстрой находился стол, на нем две свечи, подле шесть кресел со спинками, украшенными затейливыми вензелями. Иван Таранов оглядывался с таким видом, словно приценивался и хотел унести отсюда не только бутылку эксклюзивного вина, но и все остальное,

включая стол и бронзовую люстру. «Тысяч этак сорок евро», – пробормотал он, окинув ее орлиным взором. Первым к своему месту во главе стола прошел француз. И повторил:

– Прошу.

Четверо мужчин и одна дама, не торопясь и не глядя друг на друга, прошли к столу. Подсочивший лакей отодвинул стул, чтобы дама могла сесть. Остальные молча подождали, пока Елизавета Петровна займет свое место, и только тогда расселись сами. Торжественность момента сделала их предельно вежливыми, заставляя соблюдать все правила этикета. Все понимали, что игра будет крупная, но одновременно тонкая. Кто кого перехитрит. Поэтому каждый из участников сохранял невозмутимый вид и полное спокойствие.

– С вашего позволения, господа, я начну, – медленно, с растяжкой сказал француз и зажег одну свечу. Аукцион он проводил согласно старинному ритуалу, что добавило моменту торжественности. – Полагаю, вы хотите взглянуть на лот.

– Да, хотелось бы увидеть, что это за штука, – сквозь зубы сказал Иван Таранов.

– Сделайте одолжение, – тоненько просвистел Лев Абрамович. После чего не удержался и жадно облизал сухие губы.

Елизавета Петровна выпрямила спину. Воронов молчал. Что же касается Сивко, то он, как всегда, был незаметен.

– Принесите.

Во время минутной паузы никто не шелохнулся. Наконец, лакей внес деревянный ларец и, подойдя к столу, открыл его.

– Осторожнее, – не удержался Лев Абрамович. – Не надо ее трясти.

– Красавица! – с чувством сказал Воронов, чуть подавшись вперед.

– И стоит, должно быть, немало, – хмыкнул Таранов.

Елизавета Петровна и Сивко промолчали.

– Неужели это Матисс? – спросил Воронов, не отрывая взгляда от этикетки.

– Подлинность аппликации, а также подписи под ней проверена нашими экспертами, – ровным голосом сказал француз.

– Почерк барона я узнаю, – кивнул Лев Абрамович. – У меня есть несколько подписанных им документов. И письма.

– Тогда приступим?

– Да. Пора.

– Итак, господа, – предложил аукционист. – Каждый из вас напишет на визитке цену. После чего я соберу их, ознакомлюсь со всеми предложениями и выберу наиболее достойное.

– Миллион, – отрезал Воронов.

– Простите? – подался вперед ведущий аукциона.

– Миллион евро.

– Дмитрий, опомнись! – резко сказала Елизавета Петровна. – Таких цен не существует!

– Вся моя коллекция столько не стоит, – пробормотал Сивко.

– Он пошутил, – усмехнулся Иван Таранов.

– Ну что, приступим к торгам? – тоненько просвистел Лев Абрамович.

– Я не хочу никаких торгов, – отрезал Воронов. – Я сказал: миллион. И я ее забираю.

– Господи, зачем тебе это! – отчаянно закричала дама. Нервы у Елизаветы Петровны сдали.

– Как-то это странно, – заметил Сивко.

– У моей жены завтра день рождения, – пояснил Воронов. – У нас традиция: в этот день я дарю ей бутылку замечательного вина, которое достойно украсить наш праздничный стол. Я хочу провести завтра приятный вечер, господа. Я очень люблю свою жену, – весело добавил он.

– Уж не собираетесь ли вы ее выпить? – прошипела Елизавета Петровна.

– Именно! – оскалился Воронов.

– Дима, побойтесь бога! – всплеснул пухлыми ручками Лев Абрамович. – Это же намного уменьшит ее стоимость!

– А мне наплевать. Этикетка-то останется. Мой маленький Матисс всего-навсего за миллион евро. Почти даром. И вообще: не понимаю, я что, отчитываться перед вами должен? Я ее покупаю. За миллион. И все.

– Господа, будут какие-нибудь возражения? – без всяких эмоций спросил аукционист.

– Против безумия возражать бесполезно, – резко сказала дама и поднялась.

– Отступаюсь, – вздохнул Таранов. – Силен ты, Воронов. А я сегодня не в ударе.

– Ну, что тут скажешь? – невозмутимо пожал плечами Сивко. – Дмитрий Александрович большой оригинал. Владейте.

– Боже мой, Дима! Зачем вам это надо! – волнуясь, спросил Лев Абрамович.

– А вам зачем?

– Но миллион евро! Таких цен на вино нет! – Губы у старика задрожали. Видно было, как он борется с жадностью.

– А теперь будут!

– Продано! – воскликнул ведущий торгов и торжественно зажег вторую свечу. По мере того как разгоралось ее пламя, лица четырех людей, сидящих за столом, мрачнели. Зато Воронов улыбался.

– Это самые короткие торги в моей жизни, – с чувством сказал француз. – Но хотелось бы наличными.

– Никаких проблем. Один звонок, и деньги сюда привезут.

– С вами приятно иметь дело. Аукцион окончен, господа!

На столе теперь горели две свечи, Воронов остался, остальные молча направились к выходу.

– Сумасшедший, – прошипела Елизавета Петровна, перед тем как сесть в свою машину, и со злостью захлопнула дверцу.

С Дмитрием Вороновым у нее были особые счеты. Когда-то давным-давно она даже рассчитывала на роман с ним. Но – не получилось. Его страстная любовь к жене поначалу всех забавляла, даже пари заключались: сколько это продлится? Но лет через десять все успокоилось и тему обсуждать перестали. На сегодняшний момент это стало постулатом, доказательством не требующим, всеми принимаемым на веру: Воронов любит свою жену. Постулат сей, или аксиома, не пересматривается и не обсуждается.

И вот безумец везет ей в подарок бутылку вина за миллион евро! Таких цен не существует! Самая дорогая бутылка, «Шато Лафит» 1787 года, ушла с аукциона за сто шестьдесят тысяч долларов, исторический факт. Возможно, что о сегодняшнем аукционе для пятерых никто никогда и не узнает. Возможно. Но слухи пойдут. Выходит, он делает историю, этот безумец? И все из любви к женщине! Елизавета Петровна от досады кусала губы. Мужей у нее было много, а вот любви ни одной. Она всегда владела людьми ли, деньгами, имуществом и получала за это уважение и страх. А заканчивалось все разводом. Либо она бросала наскучившую игрушку, либо очередной муж сбегал к любимой женщине, бросив богатую, но постылую. В общем, получилось так, что добиться она могла всего, кроме любви. И это стало раздражать ее до крайности.

Она всю свою жизнь положила на борьбу с мужским шовинизмом. И коллекционированием вин занялась, чтобы не отстать от своих заклятых врагов: мужчин. Борьба велась на равных, и сегодняшнее поражение было тем более обидно. Воронов не просто скупил все самое лучшее, он еще над ними и поиздевался всласть! Как же она на него зла!

Что же касается остальных, то Лев Абрамович чуть не плакал от обиды, Иван Таранов был в бешенстве, а невозмутимый Сивко задумчив, что означало для него крайнюю степень

волнения. Этот аукцион стал болезненным ударом по самолюбию для всех них. Воронов перешел границу. Это была демонстрация силы. Такое не прощается.

И только один человек из всей пятерки был в этот вечер по-настоящему счастлив: Дмитрий Воронов. Он летел домой к любимой жене и вез ей в подарок на сорокалетие уникальное вино. В самолете так и не смог заснуть. Сидел с закрытыми глазами и улыбался. Он представлял, каким прекрасным будет завтрашний вечер, когда они с Машей усядутся за стол, зажгут свечи, а в бокалах будет играть великое вино. Вино для любимой женщины. Великой женщины, которая когда-то его спасла...

Год спустя Замок

Холодный и сумеречный ноябрь всегда неприятен. Вряд ли найдется месяц, более не любимый русскими, и вряд ли найдется русский, который по мере его приближения не впадает в тоску. Глубокая осень, деревья голы, трава пожухла, а снега еще нет. Вид, городской ли, деревенский, одинаково непригляден. До новогодних праздников еще надо дожить, на пути к ним стоит месяц ноябрь, не считая, конечно, декабря. Чем скорее начнется зима, тем скорее придет весна. И ничего ты с ним не поделаешь, с ноябрем. Это надо пережить. Перетерпеть.

Но если люди богаты, время года значения не имеет. Любой день может стать праздником. При условии, что у тебя есть деньги, расцветить фейерверком беззвездное ноябрьское небо, а унылую жизнь чередой изысканных вечеринок пара пустяков.

У дамы, сидящей за рулем белоснежного «Мерседеса», они, судя по всему, были. Холеное лицо, стильная стрижка, в ушах и на шее бриллианты, дорогая меховая накидка, небрежно брошенная на заднее сиденье. Шикарная женщина, хотя и не красавица. Но что-то такое в ней есть. Эксклюзив, что выражается шестью нулями на банковском счете. Миллионеры-мужчины не редкость. Но женщина, сама заработавшая такие деньги, уникальна. Не получившая состояние по наследству или в подарок от богатого спонсора, не начавшая дело под его крылом и при его поддержке, а *заработавшая*. Сама. Одна. Да, что-то определенно в ней есть.

Но даже она, холеная и уверенная в себе, по мере того как удалялась от Москвы, начинала злиться. Машина, выехавшая из гаража чистенькой, сверкающей, теперь забрызгана грязью. Серое небо сочится мельчайшими, словно маковые зернышки, каплями дождя, воздух пропитан влагой, как губка. Стоило выйти наружу, как вся эта вода мигом оказывалась на щеках, губах, волосах, одежде...

Женщина вела машину сама, хотя рядом с ней сидел мужчина. Молодой и красивый. Повернув голову в его сторону, она невольно улыбнулась. Ей было приятно на него смотреть, и она не могла отказать себе в этом удовольствии. Скользя взглядом по светлым волосам, остановилась на глазах необыкновенного, редкостного цвета. Ей, отлично разбирающейся в драгоценностях, на ум пришло слово «астеризм». Так говорят о драгоценных камнях с лучистым блеском, похожим на свет звезды: эффект астеризма. У него карие глаза, а вокруг зрачка золотой лучистый ореол, поэтому оттуда, из глубины, словно идет свет. Странные глаза...

– Какие у тебя странные глаза, – не выдержала она.

– Вы что, меня рассматриваете?

– Могу себе позволить это удовольствие.

– Далеко еще? – спросил он после паузы.

– Ехать до имения Воронова порядком. – Слово «имение» она произнесла с иронией.

Потом добавила: – Мишель, не надо нервничать. Мы едем на вечеринку.

«Мишель». Тонкая улыбка. Руки в лайковых перчатках на белоснежном руле. А вокруг грязь, морось. Москва осталась позади, за окном мелькают дачные поселки и деревушки. Покосившиеся заборы, одноэтажные дома.

– Не надо нервничать, Мишель, мы едем на вечеринку.

«На кой черт тебе это надо? Белая машина, меховая накидка, перчатки и вечеринка? И на кой черт тебе нужен там я?»

– Не надо нервничать, Мишель.

– Зачем мы туда едем?

– О! Разве ему можно отказать? Это закрытая вечеринка, только для членов элитного винного клуба. Для пятерых его самых богатых членов.

«Она разве член? – он покосился на даму. Елизавета Петровна. Член! Кто подумает иначе, получит пулю в лоб. На кой черт я с ней связался?»

– А повод для вечеринки? Что празднуем? – спросил он.

– Дмитрий Воронов раздобыл очередную редкость на винном аукционе, – усмехнулась Елизавета Петровна. – Знаменитое «Бордо» одного из лучших урожаев середины прошлого века. И лучшего в мире винодельческого хозяйства. И купил его за тридцать тысяч долларов.

– Мы что, едем его смотреть?

– Посмотреть на «Бордо» я могу и у себя в винном погребе, – пожала она плечами. – Воронов сказал, что откроет его.

– Ну и что?

– Мишель, ты не коллекционер. Он сказал, что откроет! Бутылку за тридцать тысяч долларов! Мы все покупаем вино. И дорогое тоже. Эксклюзивное в том числе. Но покупаем не для того, чтобы его пить.

– А для чего?

– Бог ты мой! Ты не коллекционер! Впрочем, тебе это и не нужно. – Она покосилась на его светлые, тщательно уложенные волосы и улыбнулась: – В общем, мы едем!

«Она родилась в Москве, в семье водителя автобуса и санитарки. А ее предки пахали землю. У нее большие руки и большие ноги. Широкое лицо. Белая машина, меховая накидка и перчатки. Ноябрь месяц. Кому она все это доказывает? Себе! У нее куча комплексов. Но кто об этом только заикнется, получит пулю в лоб».

– О чем задумался, Мишель? Замок на горизонте!

– Замок?

– А чего ты ожидал от Воронова? Он – большой оригинал.

Неожиданно она остановила машину. Повернулась к нему и повелительно сказала:

– Выйдем. Я хочу подышать свежим воздухом.

Он нехотя стал вылезать из салона. Какая мерзкая погода! Меховая накидка осталась лежать на заднем сиденье, Елизавета Петровна стояла под морозящим дождем с непокрытой головой, в платье для коктейля, в туфлях на шпильках и задумчиво смотрела на зубцы смотровой башни. И в самом деле, замок!

Огромный, в три этажа, облицованный природным камнем, с окнами, похожими на бойницы, будто бы здесь собирались держать длительную осаду. Такой замок мог построить только безумец. Или же человек, начитавшийся в детстве рыцарских романов и всерьез увлекшийся ими. Это было некрасиво, этим не хотелось владеть, здесь не хотелось жить. Но это было значительно и... странно. Да, именно странно.

Он поправил белоснежное кашне на шее и вздохнул. Черное пальто в момент покрылось водяной пылью.

– Зачем надо ехать в грязную деревню в платье для коктейля и меховой накидке? – спросил, глядя на ее запачканные туфельки и на шоссе со следами рыжей глины от гусениц тяжелой техники и нашлепками грязи с огромных колес тракторов.

Елизавета Петровна обернулась и, глядя на него в упор, спросила:

– Надо объяснять?

– Да я уже понял, что объяснений от вас не дождешься.

– Привыкай, – улыбнулась она.

– Оденьтесь, холодно.

– Да, да. Подай мне накидку, – поежилась она, и Михаил послушно полез в машину за предметом ее изысканного гардероба.

– Зачем Воронову это нужно? – спросил, глядя на замок. – Такой огромный дом! В глуши! Он мог бы и за границей жить. Где-нибудь, где тепло и сухо. Мягкий климат, приятный взгляду пейзаж.

– Кто знает? Он и раньше был со странностями, а после того как год назад случилась трагедия с его женой, и вовсе сошел с ума. Заперся здесь, в этом мрачном замке, ни с кем не общается. Как будто на свете нет других женщин.

– Вы что, к нему равнодушны?

Она вздрогнула:

– С чего ты это взял? Холодно, поехали.

И Елизавета Петровна полезла в машину. Поехали. Он недоумевал. Но, по крайней мере, хоть что-то прояснилось. Она не только эксклюзивное вино едет пить. У нее далеко идущие планы. Уж не матримониальные ли? Жаждет реванша. Неужели слухи достоверные? Якобы когда-то, давным-давно, она была увлечена хозяином этого замка...

– Это первая его попытка общения с того самого дня, как... – Она вздрогнула. – В общем, мы, его друзья, не смогли отказать. Напротив, обрадовались. Не думаю, что будет весело, но, по крайней мере, мы осмотрим знаменитые вороновские погреба. Странностям не удивляйся.

– А что, есть странности?

– А ты ничего не замечаешь?

Он глянул в окно и с удивлением спросил:

– Что это?

– Ты имеешь в виду трактор с бороной?

– Да. Это похоже на государственную границу. Полоса заграждения. Перепаханная земля.

Она вдруг рассмеялась:

– И в самом деле! Как на границе! О! Это забавная история! Когда Воронов скупил у деревенских двадцать гектаров земли в дальнем Подмоскowie и построил замок, он попытался наладить отношения с местными жителями. Открыл магазин в деревне, провел газ, выплатил компенсацию селянам за захваченные огороды. Когда в погреба стали завозить вино, пошли слухи. Шофер сказал трактористу, тракторист жене... Ты представляешь, что такое в деревне спиртное? Это ж валюта! Главная ценность! И как-то ночью к Воронову наведались местные, сам хозяин был в это время в отъезде. Залезли в погреб, выпили арманьяк тридцатилетней выдержки, часть бутылок переколотили. Коллекционное вино! Зачем им пить кислятину с низким градусом? Они даже не представляли, сколько это может стоить! «Краснуха», и все. Воронов был в бешенстве. С тех пор он объявил деревенским войну. Поставил вокруг всего участка глухой забор, нанял охрану. Рва вокруг замка нет, как во времена Средневековья, но есть пограничная полоса. Трактор постоянно ее перепахивает. Если на пашне обнаруживают следы, тут же поднимают тревогу. Так Дмитрий Александрович борется с пьянством, – с иронией сказала она.

– А много у него людей?

– Хватает. Во всяком случае, они вооружены. И у них злые собаки. Как я его понимаю!

Он, бедняжка, столько пережил.

– Да уж! Странностей у хозяина замка хватает! Я все понял!

– Они зовут его Вороном, – тихо сказала Елизавета Петровна.

– Как?

– Вороном. Деревенские. Мрачный, черный, нос с горбинкой, похожий на клюв. Они его боятся. Поэтому ничему не удивляйся.

Они подъезжали к замку. Стоящие на обочине мужик с бабой, оба в резиновых сапогах, он в телогрейке, она в грязной куртке со свалывшимся мехом, проводили их машину недобрыми взглядами.

– Местные жители. Все, кто ездит к Ворону, их смертельные враги, – так же тихо произнесла Елизавета Петровна. – Да, не любят его... Ты должен войти в наш круг, Мишель. Прояви интерес. Покажи все, что ты знаешь. Я ему сказала, что приеду не одна. Воронов согласился. В этом году один из нас скоропостижно скончался. Хотя Льву Абрамовичу стукнуло восемьде-

сят, и слово «скоропостижно» не уместно. Он умер от старости. Его вдове наплевать на кол-лекцию. Разумеется, завещание будут оспаривать дети от первого брака.

– И много их?

– Трое. Что же касается молодой вдовы, которой Лев Абрамович отписал все... – Елизавета Петровна поморщилась. – Ты ее увидишь. Бывшая порнозвезда. Тощая блондиночка, а носит бюстгальтер пятого размера. Абсолютно без мозгов, зато какие буфера! – презрительно сказала она и равнодушно добавила: – Силикон, разумеется. Вылитая Памела Андерсон.

– О! Это шикарная женщина!

– Памела Андерсон не женщина, а конструктор, – отрезала Елизавета Петровна. – И эта такая же. Волосы крашенные, ресницы, разумеется, наклеенные, грудь и задница от пластического хирурга. Никто не помнит, как ее на самом деле зовут. То ли Люся, то ли Муся. Мы все зовем ее Бейлис, она не обижается.

– Бейлис? – слегка удивился он.

– По названию всем известного ликера. Она его обожает. И сама, как дешевая карамелька. Приторная сладость в ярком фантике, радости на пять минут, зато потом замучаешься отмывать липкие пальцы. А вот вино Бейлис терпеть не может. И цены ему не знает. Похоже, Воронов пригласил ее, чтобы поговорить о продаже коллекции покойного Льва Абрамовича. Но думаю, он торопится. Ей еще надо отсудить наследство. Приехали, Мишель!

Она остановила машину и посигналила. Бетонка упиралась в огромные железные ворота, забор вокруг замка был глухой и высокий, на него потратили целое состояние. Подъезд к воротам похож на бруствер, по обеим его сторонам пашня. Земля влажная, жирная, наступи – увязнешь по щиколотку. Он смотрел, как медленно открываются ворота. Их впускали.

– Я понимаю Воронова, – сказала Елизавета Петровна. – Вина в подвалах его замка теперь много. И арманьяки в том числе. Не удивлюсь, если готовится штурм, местные давно уже точат зуб на его погреб. Погоди, не вылезай из машины.

Он уже и сам слышал собачий лай. Глянул в окно: порода бойцовская, злая. Дюжие охранники поспешно отзывали собак, а из парадного, как черт из табакерки, выскочил мужчина средних лет с прилизанными волосами, одетый, несмотря на холод, в белоснежную рубашку и при бабочке. Стоял, дожидаясь, когда они подойдут.

– Дмитрий Александрович ждет гостей в приемной на первом этаже. Позвольте, я вас провожу.

– Я знаю, где это, – резко сказала Елизавета Петровна. – Отгоните мою машину, а дорогу я найду сама. Пошли, Мишель.

Мужчина направился к машине, Мишель же невольно поежился: холодно, а этот в одной рубашке. Пиджак бы накинул, что ли.

– Это дворецкий? – спросил он у напряженной спины своей дамы.

– Сомелье, – бросила та. Каблучки ее туфелек отбивали на мраморных плитах барабанную дробь. По длинному коридору с высоченным потолком разносилось эхо, и казалось, здесь проходит взвод барабанщиков, хотя на самом деле шла одна-единственная женщина. Но зато какая!

– Как-как? – переспросил он.

– Эксперт по вину.

– Эксперт по вину у него в лакеях?

– У Воронова много странностей. Да, ему прислуживает сомелье. Зигмунд, кажется.

– Какое странное имя, – пробормотал Михаил.

– О! Ты еще не слышал имени его жены! Кухарка, кастелянша и экономка в одном лице. Женщина с высшим образованием, между прочим. И вроде бы даже с ученой степенью...

Пока Елизавета Петровна говорила, он осматривался. Ему было не по себе. Замок так же мрачен, как и место, где он находится. Или это впечатления ноября? Влияют погода, унылый

пейзаж и, разумеется, дождь. А летом здесь, должно быть, дивно. Барабанная дробь смолкла. Елизавета Петровна сама распахнула двери в приемную.

«Все берет на себя, – уныло подумал он. – Не надорвется ли?»

– Дима, здравствуй! Как я рада тебя видеть!

Елизавета Петровна уже подставила щеку хозяину замка, тот равнодушно прикоснулся к ней губами, после чего тут же отстранился.

– Позволь тебе представить. – Она обернулась и поманила своего попутчика пальчиком. – Михаил Андреевич, начинающий миллионер и... коллекционер! В нашем полку все прибывает. Я взяла на себя смелость привезти его сюда...

– Очень приятно, – оборвал ее Воронов.

Михаил невольно вздрогнул: ворон! Черный, мрачный. Это лицо когда-то было красивым. Резкая глубокая складка залегла над переносицей, виски поседели, рот отвердел. Взгляд тоскливый, страдающий.

– Разрешите вам представить остальных гостей, Михаил Андреевич, – сухо сказал хозяин. – Иван Таранов, ну, скажем, бизнесмен. И Федор Иванович.

– Коллекционер, – поспешил с комментариями Сивко. – Просто коллекционер.

– У нас закрытое заседание клуба, – пояснила Елизавета Петровна. – Только для избранных. Не хватает...

В этот момент в коридоре что-то зазвенело, похоже, упал канделябр, потом пахнуло сладкими духами, и в приемную ворвалась ослепительная блондинка. «Может быть, это и конструктор, – подумал Михаил, глядя на нее, – но сборкой занимался далеко не ребенок. И большой любитель порнографии. Хорошая работа!»

– А вот и Бейлис! – с энтузиазмом сказал Иван Таранов и нетерпеливо шагнул к блондинке.

«Любитель прекрасного пола», – тут же отметил Михаил.

– Ой, я опять пришла последней!

– Милочка, мы к этому давно привыкли, – кисло заметила Елизавета Петровна, с неприязнью глядя на блондинку. Потом взгляд ее уперся в безупречный пробор Таранова, склонившегося над ручкой красавицы.

– С чего начнем, господа? – спросил хозяин. – С осмотра достопримечательностей или с ужина?

– Есть хочется зверски! – распрямившись, заявил Иван Таранов. – Ты, Воронов, живешь в такой глуши! Пока добирался до тебя, проголодался, как волк! А погреба осмотреть мы всегда успеем.

– Я бы чего-нибудь выпила, – заметила Елизавета Петровна. – Хотя бы аперитив.

– Ну, зачем же аперитив? – усмехнулся Воронов. – Можем начать с основного блюда. С главного напитка нашего вечера. Никто не хочет переодеться? Зигмунд покажет ваши комнаты. Сейчас он разносит багаж.

– Я остановлюсь там же, где и всегда, – поспешно сказала Елизавета Петровна.

– Твоя комната, Лиза, уже готова. Рядом будет находиться наш юный друг. – И Воронов посмотрел на Михаила с усмешкой.

– Это не обязательно, – отрезала Елизавета Петровна.

– Я как гостеприимный хозяин постарался все предусмотреть. Ведь я тебя знаю столько лет, – с намеком сказал Воронов. – Твои милые привычки. Ну, так что?

– Я хочу переодеться! – заявила Бейлис. – В вечернее платье! Раз это ужин!

– А это, извините, что? – Елизавета Петровна уставилась на ее глубокое декольте. – Я понимаю, милочка, у вас с собой мешок нарядов, и вам непременно надо их продемонстрировать. Ведь вы теперь вдова, – глубокомысленно заметила она.

– Где моя комната? – нетерпеливо спросила Бейлис, проигнорировав колкость.

– Эстер Жановна вас проводит.

«Эстер Жановна! Да уж, это куда круче Зигмунда! Где Ворон их откопал? Сразу видно, что хозяин замка большой оригинал», – думал Михаил, подходя к дверям своей комнаты. Елизавета Петровна вошла в соседнюю со словами:

– К ужину спустимся вместе. Я тебе постучу.

«Да, вот это хоромы!» – невольно вздохнул он, осматривая комнату. Обстановка была выдержана в классическом стиле, причем под старину, кожаная обивка кресел потерта, позолота местами облупилась. Потолок высоченный, возникло ощущение, что при помощи машины времени он попал назад на пару-тройку сотен лет. Толкнув дверь смежной комнаты, он увидел роскошную и вполне современную ванную. Подошел к окну. Вид открывался великолепный, летом здесь и в самом деле красиво. Огромное поле, за ним лес: хоровод белоствольных березок на опушке, а за их спинами зеленые широкие плечи елей. Немного солнца, и ощущения будут иными. Это вам не Европа, это масштаб! Матушка Русь женщина непричудливая, лаской и заботой не избалованная, но зато ее величественная красота повергает в трепет. Здесь можно только преклоняться, припасть к стопам и полюбить беззаветно. Ее потому и не сватают, что ровни ей нет.

И вдруг – замок! Французское вино в подвалах! Неудивительно, что Ворона не любят и не понимают. Здесь все это без надобности. Латифундист, понимаешь, нашелся!

Смеркалось. Их ждет либо поздний обед, либо ранний ужин. Он отошел от окна и открыл дорожную сумку. Надо ли переодеваться? Пожалуй, надо. Багаж уже здесь, костюм висит на плечиках в шкафу. Прислуга старается предугадать малейшее желание гостей. Он подошел к зеркалу в тяжелой бронзовой раме, пригладил чуть растрепавшиеся волосы, приложил к рубашке галстук. Этот или другой? А Сивко-то по-простому, в свитере и темных брюках. Правда, в вырезе углом виднеется белоснежная сорочка и галстук. Зато Иван Таранов – орел! Богат, красив, импозантен. И костюмчик на нем сидит как влитой. Как метко охарактеризовала его Елизавета Петровна, «мужчина таранного типа». Стенобитное оружие. Императорский апломб, океан амбиций и бездна тщеславия. Но все к месту. Состояние-то у него, по слухам, колоссальное. Потому и гарем может себе позволить. Опять-таки, по слухам.

Что же касается женщины-конструктора... Нетерпеливый стук в дверь.

– Мишель! Спускаемся!

Она все в том же черном платье для коктейля, но уже без меховой накидки, и туфельки другие, чистые. Переобулась. Перчатки сняла, на пальцах обеих рук многочисленные кольца, лак на ногтях матовый, дабы их сияние не затмевало блеска бриллиантов. Женщина со средствами и со вкусом.

Они спускаются вниз по широкой лестнице, рука Елизаветы Петровны зацепилась за его локоть. Похоже, ей сегодня нужна поддержка. Они идут на ужин в парадную залу. Двери широко распахнуты, невольно вспоминается кино. Это похоже на старый черно-белый фильм. Замок, дворецкий, парадная зала. Красиво и мрачно.

– Забыла тебе сказать... Здесь нет сети.

– Как-как?

– Мобильный телефон не отвечает. И позвонить нельзя.

– Совсем нельзя?

– Разумеется, телефон в доме есть. В кабинете хозяина. Но звонки на мобильники блокируются. Из замка позвонить нельзя. Разве только выйти наружу, но там собаки бойцовской породы. Ты и сам все видел. Хочешь рискнуть жизнью – иди, звони.

– Он что, сумасшедший, этот Дмитрий Воронов?

– Я же тебе говорила: странностям не удивляйся. На Дмитрия Александровича повлияла преждевременная смерть любимой жены.

– А что за трагедия случилась с его женой?

– Я тебе потом расскажу.

Бордо

Они рука об руку входят в зал и на пять секунд останавливаются в дверях, выдерживая положенную по этикету паузу. Трое мужчин расположились у камина и негромко о чем-то беседуют: Воронов, Сивко и Иван Таранов. Зал огромен, стол немалого размера, метрах в трех от камина, в нем теряется. На потолке тоже огромная антикварная люстра. На столе белоснежная скатерть и идеально разложенные приборы.

– Ну что? – улыбается Таранов. – Все в сборе, кроме нашей очаровательной...

В этот момент в залу врывается «очаровательная»:

– Уф, я опять последняя!

– Милочка, без вас все равно не начнут. Вы – наша звезда, – с иронией говорит Елизавета Петровна.

– Вы что – лесбиянка? – брякает Бейлис.

– Почему вы так...

– А нечего на меня пялиться! И обзывать звездой. Я не звезда, я вдова!

– Тогда приличнее было бы надеть черное.

Бейлис в откровенном алом платье и, разумеется, в бриллиантах. Неизвестно, чего на ней больше, платья или драгоценностей. Ее наряд – единственное яркое пятно в этом старом черно-белом фильме. Оно здесь и в самом деле неуместно, как и сама блондинка с неестественно большой грудью. Это не ее жанр.

– У меня траур в душе! – заявляет Бейлис в ответ на колкость.

– Где-то слишком глубоко. Так глубоко, что никто этого не видит. За вашей грудью вообще трудно что-либо заметить, – продолжает пикировать бизнесвумен.

– А вам кто мешает сделать такую же? Хотите, дам адресок клиники? Анонимность гарантирована, если жадничать не будете.

– Спасибо, не надо. И вообще: есть темы, которые при мужчинах не обсуждаются. В частности, тема пластики и сексуальной ориентации.

– Подумаешь, секреты!

– Дамы, довольно, – обрывает перепалку хозяйин. – Прошу всех к столу.

Новое лицо ведет Елизавету Петровну, Таранов – Бейлис. Красавица кидает в сторону светловолосого незнакомца заинтересованный взгляд и садится напротив. Рядом с ней устраивается Таранов.

– Ну, и где же твое сокровище, Дима? – нетерпеливо спрашивает Елизавета Петровна.

– Зигмунд, принеси, – тихо говорит Воронов.

Когда на столе появляется бутылка вина, все застывают в недоумении. Все, кроме Бейлис, она равнодушно смотрит на этикетку-апликацию. На ней по-французски нацарапано несколько слов. Глубокая пауза, слышно даже, как потрескивают дрова в камине. Таранов уставился на пламя так, словно там горит секрет его благосостояния. Молчание нарушает Воронов:

– Ну, так что, господа? Приступим?

– Дима, ты что, *это* собираешься пить? – тихо спрашивает Елизавета Петровна.

– Фальшивка! – откидывается на спинку стула Иван Таранов.

– Нет, это я пить не буду, – усмехается Воронов. – Просто хотел показать. И напомнить всем, почему она так и не была выпита. О трагедии, случившейся год назад. А почему ты думаешь, Иван, что это фальшивка?

– Мне так показалось.

– Когда кажется, креститься надо, – бормочет Сивко. – Причем без комментариев.

– Может, и это фальшивка? – На столе появляется еще одна бутылка. Первую по сигналу хозяйина Зигмунд поспешно убирает со стола.

– О! Это дело! – с энтузиазмом говорит Иван Таранов. – Узнаю! Это отличное «Бордо»! Я помню, что этот год был урожайным. Вино достойное. Правда, что ты отдал за нее тридцать тысяч?

– Правда.

– Ну, а пить зачем?

– Я хочу, чтобы вы все это попробовали. Кто лучше вас разбирается в винах? Наш клуб лучший в России, а наши коллекции самые значительные. Это мой подарок друзьям. Зигмунд, налей господам вина. Сначала дегустация, потом ужин.

Зигмунд нежно, словно лаская, белоснежной салфеткой берет бутылку: тело ее старое, мутное, а этикетка затерта. Все замороженно следят за его движениями. Свершилось! Хлопок, и пробка вынута, Зигмунд показывает ее хозяину и гостям. Дно пробки темное, почти черное, пропитанное вином, издает глубокий пьяный запах.

– Ну, как оно? – шепчет Елизавета Петровна. – Не разлаженное ли?

– Это вино, – торжественно говорит Зигмунд, – сохранило свои свойства, аромат необыкновенный. И цвет.

– Отличное вино может жить до ста лет, – замечает Федор Иванович Сивко.

– А это «Бордо» лучшее! – заявляет Зигмунд.

– Бог мой! Какая минута! – волнуется Елизавета Петровна.

Бейлис зевает. Вино льется в бокалы, красавица разочарованно смотрит на жидкость глубокого, бархатно-бордового цвета, едва покрывшую дно. Почти одновременно все гости, кроме нее, берут в руки бокалы. Плавно покачивают их и замороженно следят, как вино стекает со стенок, оставляя на них маслянистую пленку в виде отдельных «ножек». Потом чуть ли не засовывают носы в огромные бокалы, глубоко вдыхая.

– Ах, божественно! – восклицает Елизавета Петровна. – Чудо!

– Да, неплохо, – вздыхает Сивко.

– Черт возьми! Жалко пить такое вино! – говорит Иван Таранов. – Это надо вкушать в последнюю минуту жизни! Перед тем, как отправиться в ад! Нектар в уста, и – в пекло! К чертям!

– Что, грехов много, Ваня? – усмехается Воронов.

– А у кого их нет? Чем больше денег, тем больше грехов.

– Вот тебе и формула, по которой можно вычислить, кто из нас больший грешник. Стоит только заявить размеры состояния.

– Да ведь все соврут, – равнодушно замечает Сивко.

– Ну, так пить мы будем? – нетерпеливо спрашивает Бейлис.

– Милочка, дайте же ему раскрыться. Наслаждайтесь.

– Мне это не дано. Покойный Левчик тратил на эту кислятину сумасшедшие деньги, чего я никогда не понимала.

– А что скажет наш юный друг? – Хозяин смотрит в упор на начинающего миллионера и коллекционера.

– Отлично!

– И это все? Что насчет платья и полноты?

– Дай же ему сначала сделать глоток, – вмешивается Елизавета Петровна. – Как он может определить полноту?

– Ну что, господа? – Сивко обводит сидящих за столом вопрошающим взглядом. – Я, пожалуй, решусь.

Он первым делает глоток, вслед за ним к дегустации приступают остальные. Глубокая и темная, как винная бочка, пауза. Оттуда, из глубины, раздается хриловатый голос хозяина:

– Нет, не усталое. Несмотря на возраст.

– И не короткое, – весомо говорит Сивко.

- Да уж, и плоским его никак не назовешь, – кивает Таранов.
- Характер вина достойный, – подводит итог Воронов. – Гармоничный и живой. А что наш юный друг скажет?
- Присоединяюсь к вашим словам. Достойное вино.
- Бейлис хватает свой бокал, выпивает вино одним глотком и спрашивает у Зигмунда:
- А нет ли чего-нибудь покрепче?
- Удивляюсь, как с вами жил Лев Абрамович, – холодно говорит Елизавета Петровна.
- Половой жизнью!
- Налейте девушке водки, – усмехается Иван Таранов. – Жалко, что ли?
- Я не пью водку! Фу! Мне бы чего-нибудь сладенького.
- Желаете портвейн, мадеру? – почтительно склонившись, предлагает Зигмунд.
- Да хоть бы и портвейн.
- «Три семерки», – язвит Елизавета Петровна. – Тоже раритет. Зигмунд, поищи в подвалах.
- И карамельку на закуску, – смеется Таранов.
- Бычки в томате, – вторит ему Сивко.
- Все мы помним бычков, – замечает хозяин замка. – И «три семерки».
- На газете в темном подъезде, – подхватывает Елизавета Петровна.
- Потому что лампочку вывернули, – это Сивко.
- Я их сам выворачивал, – хмыкает Таранов.
- Значит, привычка с детства осталась, – усмехается Воронов. – Сначала по мелочи воровал, потом вошел во вкус и начал по-крупному. До заводов дело дошло.
- Я их не воровал, – обижается Таранов.
- Скажи: приватизировал.
- Да ну вас! Я в подъездах с девушками целовался. И мне нужна была темнота.
- Бог мой, Ваня! – всплеснула руками Елизавета Петровна. – Целовался! Скажи, заваливал!
- Елизавета Петровна, не делайте из меня негодяя!
- Ладно скромничать, – грозит пальцем Воронов. – Мы знаем твои способности.
- Нальет мне уже кто-нибудь? – просит Бейлис.
- Зигмунд приносит бутылку ликера:
- Я знаю, мадам, чего вы хотите.
- Это уже лучше! – с энтузиазмом говорит Бейлис, разглядев этикетку. – А то с вашего вина все равно не забалдеешь, зато писать сильно хочется.
- Пауза. На этот раз дешевая, как пластиковая бутылка. На нее наступает ногой Елизавета Петровна, раздается треск:
- Ну, это уже слишком! Дима, зачем ты ее пригласил? Она не *наш* человек!
- Ха! Да у меня денег больше, чем у вас всех, вместе взятых! – возмущается Бейлис. – И таких бутылок в подвалах – завались!
- Каких таких? – тихо спрашивает Воронов.
- Наверде той, что вы так быстренько убрали. Жалко, что ли? А мне вот не жалко! Эти ваши Матиссы... Фи! Захочу, и не продам ни одной! А захочу, вообще переколочу все! А вино спущу в сортир! Что хочу, то и сделаю!
- Зигмунд при этих словах содрогнулся. А Бейлис продолжает солировать:
- Вы все – помешанные! И Левчик был такой же! Жадина! На нас с ребенком экономил, зато на вино денег не жалел. Ладно бы он его пил, я бы поняла. Сама выпить люблю. Но запирать в подвалах? Если бы я знала, никогда бы не вышла замуж за старого козла!
- Она хватает бутылку, сама наливает чуть не полбокала ликера и залпом пьет.

– Одно слово: порнозвезда, – презрительно говорит Елизавета. – Что ни слово, то стрип-тиз. Милочка, вы плохо кончите.

– А ты вообще кончать не умеешь! За меня не волнуйся, у меня с этим порядок.

– Испортила нам дегустацию, – жалуется Елизавета Петровна. – Ты сначала отсуди свои несметные богатства. Они пока не твои.

– У меня хороший адвокат.

– С которым ты спишь.

– Это мое дело. Я свободная женщина.

– А говорила – вдова.

– Это одно и то же! Овдовела, значит, освободилась.

– Но надо же соблюдать приличия! Хотя бы год вести себя скромно, носить траур, а не вызывающе яркие наряды и делать вид, что скорбишь об усопшем. Хотя бы в благодарность за те деньги, что муж оставил.

– Я свое богатство выстрадала. И не притворяюсь, как вы. Сами-то кто? Тоже подзаборные! И бычки в томате помните, и портвейн «три семерки». Я-то лампочки не тырила. И заводы не тырила. Зарабатывала на жизнь честным трудом. Да, да! И нечего ржать. Я лучше вас всех! И вообще: подавайте жрать.

– Даме надо закусить, – усмехается Сивко.

– И закусить тоже! – с вызовом говорит Бейлис.

Зигмунд приносит закуски, предлагает гостям. Все едят и понемногу успокаиваются. Вдруг в полной тишине Бейлис произносит:

– Я дико извиняюсь. Что-то на меня нашло.

– Ликер, должно быть, – усмехается Елизавета Петровна.

– Ты тоже водку глушишь, *мадам*. Когда тебя никто не видит. Дома, в одиночку. Все вы так. Запираетесь и глушите.

– Я? Водку?!

– Ну, коньяк. Или виски. Хватит уже. Левчик мне про вас такое рассказывал! Про всех! Придется вам меня терпеть. А вообще: я дико извиняюсь.

– Как мило!

– Бейлис, ты прелесть! – целует кончики ее пальцев Иван Таранов. – Приходи ко мне ночью.

– Обязательно! Ты тоже прелесть. Хотя он мне нравится больше, – кивает Бейлис на сидящего напротив светловолосого гостя. – Не обижайся, Таранов, тебя-то я знаю как облупленного. Мы друг другу слегка поднадоели. Я на новенького. Тоже миллионер?

– Нет.

– Врать умеешь, значит, миллионер. Я вас по вранью распознаю. Миллионеры всегда приbedняются. У кого гроша за душой нет, тот орет во всю глотку и непременно дорогой мобилкой размахивает. А кроме этой мобилы, у него ничегошеньки и нет. Квартира в кредит, мебель тоже, машина принадлежит фирме, часики приятель одолжил. Одетый вроде бы человек, а как начнешь раздевать – взять с него нечего. Ну, показывай мобилу!

– Я не взял с собой телефон, потому что это бесполезно. Здесь сети нет, – скромно говорит он.

– А машина у тебя какая?

– Я приехал с Елизаветой Петровной. На ее «Мерседесе».

– Точно: миллионер! Мой Левчик вообще на автобусе ездил. По пенсионному удостоверению.

– Бейлис, не все же такие, – не выдерживает Сивко. Что-то в тираде блондинки сильно его задело.

– Такие, такие. Уж я на вас насмотрелась! И в стриптиз-клубе, и потом, на закрытых вечеринках. Ох ты, боже мой! Сколько же я про вас, мерзавцев, знаю! Надо книгу написать!

– Разве ты грамотная? – язвит Елизавета Петровна. – Никогда бы не подумала.

– Не сомневайся, грамотная.

– Плохие у тебя шутки, Бейлис, – морщится Таранов.

– Тебе-то чего бояться? Ты ж холостой!

– Может, я в депутаты баллотироваться собираюсь?

– Ну, туда-то тебя точно не возьмут.

– Это еще почему?

– Лампочки тырил, девок заваливал, а теперь гарем содержишь. Сначала женись и нарожай детей. Прими морально устойчивый облик. Вот Федьку Сивко возьмут. За пролетарское происхождение. Это сейчас опять в моде.

– Я тебе не Федька, – еще больше злится Сивко.

– Да ладно! – И красавица подлила себе сладенького. – Ну, чего ж не пьете? Всех вас возьмут, если я книжку писать не буду.

– Господи, вот дура! – не выдержала Елизавета Петровна. – Сама ж напрашивается!

– К нему в спальню – да, – кивнула Бейлис на светловолосого визави. – Напрашиваюсь. Миша, да? Хочешь на мне жениться? Я богатая.

– Я подумаю, – улыбнулся он.

– Ну, думай. Только побыстрее. Желающих хватает.

– Мишель, не слушай ее. У нее ничего нет. Завещание оспаривают законные наследники.

– Ревнует! Вы слышали? Она ревнует! Ха! Вот зачем ты его сюда притащила! Опять мужа присматриваешь! Вином за тридцать штук соблазняешь! Так ведь это ж не твое!

– Нет, это уже невыносимо. – Елизавета Петровна поднялась и швырнула на стол салфетку. – Я вернусь, когда вы ее успокоите.

– Попала! Ай, попала! – захлопала в ладоши Бейлис. – Мишель, она на тебя глаз положила! Ай, положила!

– Извините. – Он тоже поднимается и идет вслед за Елизаветой Петровной к дверям.

– Как вы думаете, спят они или еще нет? – раздается за их спинами хриловатый голос Бейлис. – Предлагаю заключить пари! Хоть на меня, хоть на мои подвалы с вином. Ставлю на парня.

– Я ее убью, – шипит Елизавета Петровна, взбегая по лестнице на второй этаж.

– Успокойтесь.

– Он мог бы договориться с ней о продаже коллекции в другом месте!

– Но вы же сами сказали, что Воронов вот уже год никуда не выезжает.

– Мог бы в другое время. Не сейчас.

– У нее что, и в самом деле есть на вас компромат?

– О Господи! Конечно! – Елизавета Петровна резко развернулась. – Похоже, старый похотливый козел в постели был болтлив!

– Мало ли, кто что сказал? Нужно документальное подтверждение.

– Ха-ха! Если уж у него были документы, подписанные бароном Ротшильдом... – нервно смеется она. – Старик раньше работал в торгпредстве, за границей. И в Министерстве внешней торговли был потом большой шишкой. В общем, и при социалистах процветал. А под старость спятил. Женился на этой... Я даже не знаю, как ее назвать!

– Успокойтесь.

– Денег у него и в самом деле было завалилось. Неужели же все достанется этой?.. Ха-ха! Нет, это невыносимо! Я всю жизнь работала, чтобы... – И она словно захлебнулась. Потом отчаянно повторила: – Нет, это невыносимо!

Они стояли у двери в ее комнату. Елизавета Петровна нервно крутила платиновую цепочку с бриллиантовой подвеской и странно посмеивалась. Он был в замешательстве: как поступить? Остаться с ней? Войти и утешить? Если бы это была обычная женщина, он бы знал, как поступить. Но предсказать реакцию Елизаветы Петровны на тот или иной его поступок невозможно. Пусть сама решает.

– Мне спуститься к ним? – спросил он осторожно.

– Да. Будь там, с ними. Я не могу. Воронов станет показывать свои закрома – иди. В-первых, я там уже была. А во-вторых, я рассчитываю на персональную экскурсию. Только я и он. Нам есть о чем поговорить.

– А вы часто бывали здесь, в этом замке?

– Он ведь строился много лет. Да, бывала. Мы с его покойной женой дружили, – равнодушно сказала она и добавила: – Иди к ним. И попроси Эстер Жановну принести ужин в мою комнату. Я голодна.

И Елизавета Петровна захлопнула дверь перед его носом. Хорошо, что утешать не стал. С объятиями не полез и с милыми глупостями вроде «малыш, успокойся», «все будет хорошо», «со мной ты в безопасности». Она справится сама. Как, впрочем, всегда и со всем. Железная женщина. Утешения – это последнее, что ей нужно в жизни.

Посмеялся над собой и побежал вниз по ступенькам.

Винный погреб

К его удивлению, обстановка за столом кардинально изменилась. Оживленный разговор, звон бокалов, фривольные шуточки. Казалось, с уходом Елизаветы Петровны напряжение спало.

– Ну, как она? – равнодушно спросил Сивко.

– Попросила ужин в комнату.

– Я распоряжусь. – Воронов встал.

– А не пора ли нам прогуляться? – потянулся Иван Таранов. – Я, похоже, дозрел до осмотра винных погребов.

– Что ж. Я отдам распоряжения Эстер Жановне и готов вас проводить. Одну минуту.

Воронов вышел. Красавица тут же накинулась на вошедшего:

– Миша, старая корова тебя что, отпустила? Как мило! У нее что, наверное, ха-ха-ха, мигрень? Или запор?

– Да вы, бабы, друг друга, похоже, ненавидите, – хмыкнул Таранов.

– Они слишком разные, – заметил Сивко.

– Но крайности-то, как правило, сходятся.

– Для того чтобы Елизавета Петровна сошлась с Бейлис, у нашей ослепительной блондинки слишком много денег, – тонко улыбнулся Сивко.

– Денег у меня много, это уж точно, – подтвердила Бейлис. – Мне наплевать, сколько Воронов дает за мое вино. Продам я его или нет, плевать. Давайте, мужики, дернем еще по одной! И пойдем в погреб!

– Бейлис, мы пойдем туда посмотреть коллекцию, а вовсе не за тем, о чем ты думаешь, – рассмеялся Иван Таранов.

– Я знаю человека, которому тоже наплевать на кислятину. Вот он меня и развлечет. – Бейлис подмигнула светловолосому визави.

– С чего вы взяли? – смущенно пробормотал тот. – Я с нетерпением жду осмотра коллекции.

– Не заливай.

В этот момент вернулся Воронов, внимательно посмотрел на гостей и спросил:

– Ну что?

– Идемте! – хлопнув еще полбокала ликера, первой поднялась Бейлис. – Я готова.

Мужчины с усмешкой смотрели, как она покачнулась и оперлась рукой о стол.

– Что-то меня повело. Перебрала малость. Где моя сумочка? Я никуда без нее не пойду!

– У тебя там что, яд для Елизаветы Петровны? – хмыкнул Таранов.

– Дурак! Там сигареты!

– Я попросил бы в погребе не курить, – сказал Воронов.

– О Господи! Еще один психопат! Ну что им сделается, твоим сокровищам, если я пару раз затаюсь сигареткой?

– Я прошу.

– Хорошо. Мы с Мишей постоим на лестнице, пока я курю, а потом спустимся к вам. Как, Мишель?

– Не могу отказать даме.

Вслед за хозяином четверо гостей парами пошли по длинному коридору в левое крыло, Сивко с Тарановым, а Михаил с Бейлис. Блондинка была навеселе и все пыталась прижаться к нему покрепче.

– Я не буду запирать дверь спальни, – жарко шепнула она. – Ты не пожалеешь.

«Если она добавит любимого ликерчику, то наверняка отключится, – подумал он. – Надо попросить Зигмунда, чтобы отнес в ее комнату бутылочку. Интересно, выполнит он мою просьбу?»

– Пришли, – сказал Воронов, остановившись перед массивной железной дверью. – Там ступеньки крутые, Бейлис, осторожнее.

– Не беспокойся за меня. Я с Мишей.

– От этой женщины так просто не отделаешься, Михаил! – рассмеялся Таранов. – Учти это. – И Воронову: – Ну что, пошли? Мне уже не терпится.

Хозяин торжественно отпер дверь и пригласил Таранова и Сивко:

– Прошу, господа.

Из-за двери пахло сыростью, запах был глубокий и острый, словно от выдержанного сыра с плесенью, свет тусклый. Трое мужчин осторожно начали спускаться по ступенькам, а они с Бейлис остались у железной двери. Красавица достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку, которую протянула ему:

– Поухаживай за дамой.

Михаил щелкнул зажигалкой, Бейлис несколько раз глубоко затянулась, потом поискала глазами, куда бы стряхнуть пепел. Наконец, ткнула дымящейся сигаретой в бронзовый канделябр и сказала:

– Уверена, когда Воронов идет сюда один, он приказывает зажечь свечи.

Сейчас горели не свечи, а электрические лампочки, вмонтированные в натяжной потолок. Здесь, в конце коридора, он был заметно ниже, да и стены как будто сужались. Пока Бейлис курила, Михаил осматривался. Наконец спросил осторожно:

– А до смерти жены Воронов тоже был таким странным?

– Нет, что ты! Нормальный мужик.

– А дети у него есть?

– Да. Сын. Ему лет восемнадцать, кажется. Но они все время собачатся.

– Почему?

– А кто знает? – пожала плечами Бейлис. – Какое мне дело до чужих семейных проблем? Своих хватает. Сейчас сынок Воронова живет за границей, то ли в Англии, то ли в Швейцарии, образование получает. Я думаю, ему на коллекцию папаша наплевать, в этом и причина. А хочешь, я тебе продам вино? А что? Если ты мне понравишься – продам. Там есть редкие экземпляры, Левчик говорил. И даже супер-пупер-экслюзив. Приезжай – покажу, – подмигнула Бейлис.

– Что ж, это интересно, – пробормотал он. – А как умерла жена Воронова?

– Разве старая корова тебе не рассказывала? Лизка? – удивилась Бейлис.

– Нет.

– Странно.

– Она собиралась, но... В общем, так и не собралась. Может быть, ты...

– Ой, это ж такая длинная и скучная история! – перебила его Бейлис. – Давай потом, а? Я приехала сюда развлечься. Если бы ты знал, как скучно быть вдовой!

– Разве ты обделена мужским вниманием?

– Они все ждут, – пожаловалась Бейлис, – достанутся мне деньги Левчика или нет. Буду ли я несметно богата или вернусь обратно на панель. От этого зависит и цена моей ночи. От статуса, ха-ха! Они и в самом деле подали в суд. Его дети, – пояснила она. – Якобы мой сын не от Левчика! Ха-ха!

– А что, никаких сомнений?

– Пусть проводят генетическую экспертизу, – равнодушно сказала Бейлис. – Я не возражаю. Не такая уж я дура, чтобы рожать от кого попало. Здесь все чисто, не подкопаешься. Старый козел думал, что женился на девятнадцатилетней, ха-ха! А я подделала дату рождения

в паспорте. На самом деле мне тогда было на пять лет больше. Только тс-с-с. – Она прижала палец к пухлым губкам. – Никому. Ему было шестьдесят девять, когда он женился на девятнадцатилетней, ха-ха! Хотел всех удивить полувековой разницей в возрасте. А я ему слегка подыграла. Подумаешь! Не такой уж большой обман. Он меня кинул больше. Я думала, буду как сыр в масле кататься, а получила шиш! Без всякого масла. Но зато когда родила Левчику сына, он настолько расчувствовался, что переписал завещание. От первого брака у него три дочки. Ты будешь смеяться, но у них тоже дочери. И еще у Левчика есть правнучка. Ха-ха! Представляешь, что сказали все эти бабы, когда огласили завещание?

– Они, должно быть, сильно огорчились, – заметил он.

– Не то слово! Ох...ли! Но я как законная вдова имею право. Деньги мои. Так что подуетись, – подмигнула ему Бейлис. – А много у тебя денег?

– А почему это тебя интересует?

– Я за нищего замуж не хочу, – капризно сказала она. – Мне так трудно все это досталось, что делиться я не желаю. Проще скинуться. Твои миллионы плюс мои миллионы, и мы шикарно заживем!

– В таком случае тебе больше подходит Таранов, – пошутил он.

– Я над этим думаю, – серьезно сказала Бейлис. – У нас с ним уже давно, ха-ха! Отношения! Еще при Левчике... Ой, что я такое говорю? А, да он все равно уже помер!

И она с силой затушила в бронзовой чашечке канделябра окурок.

– Ну что, пошли? – предложил он.

– Чего я там не видала? Плесень? – поежилась Бейлис. Потом вздохнула: – Ладно, пошли. Как-нибудь переживу. Ты помнишь, что я сказала?

– Что?

– Дверь запирать не буду.

– Это я помню, – улыбнулся он и пропустил красавицу вперед.

Бейлис, то и дело опираясь рукой о стену, начала осторожно спускаться по ступенькам. Пару раз споткнулась и чертыхнулась. Лестница и в самом деле была не только узкая, но и крутая. Погреб, где хранились сокровища Дмитрия Воронова, оказался глубоким. Михаил отчего-то заволновался. Откуда-то снизу шел яркий свет, потом послышались голоса. Бейлис спустилась и обернулась, поджидая его:

– Миша, ты где?

– Иду.

Он ступил в погреб и осмотрелся. Это было огромное помещение с низким потолком. Куда ни глянь, везде винные шкафы, в которых строго в горизонтальном положении лежали, дожидаясь своего часа, бутылки. Воронов что-то объяснял своим гостям.

– Вот эту редкость, господа, я приобрел почти даром. – Он взял в руки темную пыльную бутылку. – Всего за пятьсот фунтов стерлингов. К употреблению уже не годится, потому я так к нему и отношусь. Беру в руки, спокойно перекладываю с места на место.

– В чем же тогда фишка? – спросил Иван Таранов.

– А ты глянь.

Он тоже подошел поближе и взглянул на этикетку. Там была фотография Адольфа Гитлера в костюме и галстук. Таранов рассмеялся:

– Глянь-ка, фюрер без френча!

– Из его личных запасов, – пояснил Воронов. – Случайная находка, раритет. 1943 год. Но к питию не пригодно. Пусть лежит.

И он вернул бутылку на место. После чего подошел к другому шкафу:

– А вот здесь знаменитый сотерн. Есть и настоящие редкости. К примеру, вот это. Приглядитесь, господа. Виноград для этого вина собирали еще до битвы при Ватерлоо. И оно сохранило вкус и аромат, как утверждают специалисты. Но я не собираюсь его пить. Хотя бы в

память о Наполеоне, который в то славное время еще был императором. Война войной, а вино вином. Валюта Франции, ее никогда не отменят.

– Тиранов, значит, собираешь, – усмехнулся Таранов. – Мудро.

– Да-а-а... – протянул Федор Иванович и с чувством сказал: – Запасы у тебя солидные.

Я на вино столько денег не трачу.

– Да у тебя и цель другая. Хочешь приобщиться к высшему обществу, – усмехнулся Воронов.

– Да что вы весь вечер намекаете на мое пролетарское происхождение, – разозлился Сивко.

– А что ты заводишься?

– Да потому что надоело!

– Федя, не злись, – из-за спин мужчин сказала Бейлис, и Сивко бросил на нее злой взгляд. – Расслабься, – добавила красавица. – Слишком уж ты стараешься. Ха-ха! А сам, ха-ха, женскими трусами торговал. Али не помнишь, Федя?

– Заткнешься ты или нет? – прошипел Сивко. – Такого мне никто не смеет говорить.

– Да брось! Я помню нашу первую с тобой встречу. А было это лет эдак пятнадцать тому назад...

– Люда, перестань, – одернул ее Воронов.

– Как ты меня назвал?

– Разве ты не Людмила по паспорту?

– Ха-ха, по какому?

– А у тебя их что, несколько?

– Мы вино сюда пришли смотреть или обсуждать личную жизнь Бейлис? – вмешался Таранов. – Мне это неинтересно. А вот пошарить по шкафам... Сколько же все это может стоить? Воронов, признаю, ты удачно вложил деньги. На этом можно хорошо заработать.

– Я не собираюсь продавать свою коллекцию, – резко ответил тот.

– Собираешься еще вина прикупить?

– Да. – И Воронов бросил выразительный взгляд на Бейлис. Вот для чего здесь она, мол. Я терплю, и вы терпите.

Они пошли вдоль длинного ряда шкафов вслед за хозяином, который продолжал показывать свои сокровища. Иногда называл цену.

«Сумасшедший, – думал Михаил. – Нет, не сумасшедший. Коллекционер. Похоже, после смерти жены вся его страсть досталась коллекции. Тем более с сыном не ладит. Он проводит часы в подвале, один, среди винных бутылок. Быть может, разговаривает с ними. У него странные глаза. Сумасшедший. Нет, коллекционер. Интересно, как погибла его жена? Что с ней случилось?»

Экскурсия затянулась надолго, Бейлис начала скучать. И даже спросила:

– А нельзя ли чего-нибудь открыть? Ну не свинство ли: ходим среди вина и не пьем!

– Наверху стол с закусками, – холодно сказал Воронов. – Если ты устала, можешь поднаться туда, выпить и закусить.

– Я так и сделаю, – кивнула Бейлис. – Миша, пойдем?

Он разочарованно вздохнул и под внимательным взглядом хозяина развел руками: мол, что тут поделаешь? Дама просит.

– Михаил Андреевич, я организую для вас персональную экскурсию, – пообещал Воронов. – И даже с дегустацией. Хотите?

– Да, очень хочу!

– Завтра. Я вижу, вы разбираетесь в коллекционных винах.

– О, да! Стаж у меня небольшой, но я стараюсь. Изучаю литературу, собираю собственную коллекцию.

- И много насобирали?
- Я их не считал. Я имею в виду бутылки.
- А где вы их храните?
- Где храню? В подвале, разумеется.
- У вас специальное оборудование? В загородном доме? Вы их в шкафах-холодильниках храните или же в обычных? А может, в бочках?
- Я... э-э-э...
- Миша, пойдем же! – нетерпеливо потянула его за рукав Бейлис.
- Извините.
- Мы завтра продолжим, – мрачно пообещал Воронов.
- Хорошо. – Михаил шагнул на лестницу и вытер пот со лба, хотя в подвале было прохладно: уф!

Она опять шла первой, точнее, поднималась по ступенькам, то и дело опираясь рукой о стену.

- Успокойся, – сказала вдруг, не оборачиваясь.
- С чего ты взяла, что я волнуюсь? – пробормотал он.
- Я тебя не выдам.
- Не выдашь?
- Брось. – Она остановилась и обернулась. В упор посмотрела на него.

Глаза у нее были не синие, а карие. Он попытался представить Бейлис с натуральным цветом волос, скорее всего, шатенкой, без наращенных ресниц, силиконовых губ и огромного бюста. Заурядная внешность. Она вся искусственная. Но, похоже, добрая баба. Выстрадавшая свое богатство и натерпевшаяся.

– Я не знаю, зачем ты сюда приехал, но с Вороновым будь поосторожнее, – предупредила она. – С ним шутки плохи. Я тебя не выдам. Если, ха-ха, это не вопрос жизни и смерти. Все ж таки Воронова я знаю много лет, а ты, красавчик, непонятно, что за фрукт.

- Я...
- Ночью. Ты все мне расскажешь ночью. Я буду тебя ждать.

И она вдруг резво побежала вверх по ступенькам. «Здесь все играют, – подумал он. – Это не замок – театр. Сплошь фальшивка. И она играет. Что ей здесь нужно? Или...кто? Деньги? Хочет продать коллекцию покойного мужа? Или Таранов? Вновь замуж собралась? Тогда зачем же она их злит?» Он терялся в догадках, поднимаясь по крутой лестнице.

Остаток вечера прошел без эксцессов. Елизавета Петровна так и не спустилась к столу, Бейлис в отличие от других гостей с аппетитом поужинала, ей прислуживал хмурый Зигмунд. Не пристало сомелье предлагать и разливать банальный ликер.

– Я ем от пуза и ни капельки не поправляюсь! – похвасталась Бейлис, налегая на закуски. – Конституция такая.

- Приятного аппетита, мадам, – хмуро сказал Зигмунд.

Иван Таранов был задумчив, а Сивко неожиданно для всех разозлился. И даже попросил водки.

- Ты разве пьешь? – удивился Воронов.

– Бывают моменты.

– Я ж говорю, что все вы притворяетесь, – не удержалась от комментариев Бейлис. – Коллекционеров изображаете. А вам просто деньги девать некуда. Живете и мучаетесь: куда бы еще их потратить? Вот и придумали себе *коллекцию*, – презрительно выделила она последнее слово. Потом, не стесняясь, широко зевнула: – Пойду к себе, пожалуй. Уже поздно. Надеюсь, завтра нас ждет интересная культурная программа.

- Можешь не сомневаться, – сквозь зубы процедил Сивко.

– Я бы потанцевала.

– Будет тебе и оркестр, – мрачно пообещал Федор Иванович.

– Я на это надеюсь. Спокойной ночи, – со значением сказала красавица и направилась к выходу.

– Я слышал, у тебя и лошади имеются. – Таранов задумчиво смотрел в спину уходящей Бейлис.

– Да, есть конеферма.

– Неплохо было бы и на лошадок посмотреть. Оседлать какого-нибудь резвого скакуна, а? А лучше кобылку.

– Что ж, – пожал плечами Воронов. – И это можно.

– И вертолетная площадка на территории замка есть, – добавил Сивко.

– А ты, Федор Иванович, наблюдательный, – усмехнулся хозяин.

– С размахом строился. А жена хотела здесь жить?

Воронов помрачнел. Потом сам налил в бокал вина, сжал ножку так, что пальцы побелели:

– Выпьем за Машу. Пусть земля ей будет пухом.

– Да, да, – закивали мужчины и потянулись к своим бокалам.

Выпили молча и не чокаясь. После чего Таранов сказал:

– Я тоже пойду. До завтра.

– И мы двинемся.

Они с Федором Ивановичем встали и потянулись к дверям. Господа бизнесмены стали подниматься по лестнице на второй этаж, где были их спальни, Михаил же заскочил на кухню. Высокая худая женщина, прямая как палка, с лицом, словно скованным льдом, разбирала столовые приборы. Обернулась на звук шагов, холодно спросила:

– Вам кого?

– Мне бы...

Из кладовки появился Зигмунд.

– Нельзя ли бутылочку ликера в комнату Бейлис? Светловолосой дамы, – пояснил он.

– Уже распорядились, – неожиданно улыбнулся Зигмунд.

– Кто?

– А вам что-нибудь угодно? – не ответил на вопрос сомелье. – Печенье, напитки?

– Нет, все есть, – смутился он и отступил в коридор. Супруги переглянулись.

– Завтрак будет накрыт в девять, – предупредил Зигмунд.

– Мне что, надо спуститься к девяти, иначе не накормят? – попробовал пошутить он.

– Вас накормят в любом случае. Но накрыто будет к девяти, – невозмутимо ответил Зигмунд.

«Что за порядки в этом доме? То ли сплю, то ли брежу. Какое старое кино!» Он хотел было подняться наверх, но тут увидел, как по ступенькам сбегает Елизавета Петровна, уже не в платье для коктейля, а в полупрозрачном пеньюаре. Дабы не смутить ее, он прижался к стене, спрятавшись за мраморную статую. Бизнесвумен ринулась в парадную залу. Он подошел поближе, к самым дверям, и прислушался.

– Лиза, ты разве не спишь? – равнодушно спросил Воронов.

– Зачем ты ее пригласил? – зашипела Елизавета Петровна.

– Ты же знаешь, я хочу купить коллекцию покойного Льва Абрамовича.

– А я думаю, ты сделал это мне назло! Ты знал, что мне будет неприятно!

– Ты преувеличиваешь свое значение в моей жизни, – все так же равнодушно сказал Дмитрий Воронов.

– Ах, вот как... – Она, похоже, растерялась.

– Иди спать.

– Зачем ты меня позвал?

- Допустим, я заскучал. Все ж таки год прошел. Захотел увидеть друзей.
- Расследование закончено?
- Да. Они скоро предстанут перед судом.
- Надеюсь, все получат по максимуму.
- Но Машу этим не вернешь, – заметил Воронов.
- Дима, это трагическая случайность. От которых никто не застрахован.
- Но произошло-то с ней. Потому я не думаю, что это была случайность.
- На что ты намекаешь? – насторожилась Елизавета Петровна.
- Иди спать, – повторил Воронов.
- В конце концов, это я вас познакомила. И если бы не она...
- Если бы не она, ничего не было бы, – резко сказал Дмитрий Воронов. – Ни этого замка, ни погреба с вином, ни... меня.
- Ты преувеличиваешь, Дима, – теперь она говорила так тихо, что Михаил еле разбирал слова. – Ты знаешь, как я к тебе отношусь. По-моему, мы с тобой идеальная пара.
- Я тебя не люблю.
- Никто и не говорит о любви. В нашем возрасте и с тем, что мы оба пережили, это смешно. Но у нас общие интересы и могло бы быть общее дело. Это намного больше любви.
- Светловолосый юноша, он кто?
- Ты ревнуешь?
- Зачем ты его сюда притащила?
- Может, как раз для того, чтобы ты ревновал?
- Мне все равно.
- Я завтра уеду, – резко сказала Елизавета Петровна.
- Мне все равно, – повторил Воронов.
- Тогда я тем более не понимаю.
- Истина – в вине, – загадочно сказал он.
- Как-как?
- Иди спать.

Ему опять пришлось спрятаться за статую. Елизавета Петровна выскочила из зала и побежала вверх по ступенькам. Похоже, она разозлилась, полы пеньюара развевались, каблучки отороченных мехом сабо отбивали на мраморной лестнице барабанную дробь, как при исполнении приговора о высшей мере наказания.

- Деятнадцатый век.
- Он вздрогнул и обернулся. Сзади стоял Зигмунд с пустым подносом.
- Я вас... не совсем понимаю.
- Статуей интересуетесь? – насмешливо спросил сомелье. – Деятнадцатый век.
- Да, я большой любитель антиквариата.
- Здесь ничего не продается.
- Но посмотреть-то можно?
- В вашей комнате есть нечто лучше, – намекнул Зигмунд.
- Вы кого имеете в виду?
- Статую, разумеется, – невозмутимо сказал сомелье и направился в парадную залу, видимо, убирать посуду со стола.

«Попался! – подумал Михаил и быстро зашагал к лестнице. – Интересно, как здесь наказывают за шпионаж? Травят собаками? Или просто лишают сладкого за обедом? А если я захочу выйти из дома и позвонить?»

Рисковать он не стал. Интуиция подсказывала: здесь происходит что-то странное. Похоже на заговор. Но против кого? Истина – в вине. Что имел в виду Дмитрий Александрович Воронов?

Проходя мимо комнаты Бейлис, Михаил прислушался. Тихо. Она сказала, что не будет запираеть дверь. Осторожно положил ладонь на дверную ручку и слегка нажал. Дверь поддалась. И в самом деле не заперто. Так же осторожно отпустил ручку и на цыпочках пошел по коридору мимо спальни Елизаветы Петровны. Тоже тихо. Близится полночь.

Следующая комната его. Вошел потихоньку и осторожно прикрыл за собой дверь, после чего огляделся. Похоже, без него здесь побывали Зигмунд или Эстер Жановна. Кровать, которая раньше была примята, теперь идеально заправлена, его одежда аккуратно разложена и развешена в шкафу, окно зашторено, портьеры тяжелые, из плотной, расшитой золотом ткани. А вот это ему никогда не нравилось. Даже в безлунную ночь хочется видеть небо. Не стоит запираеть себя в клетке пусть даже и большой комфортабельной комнаты, когда за окном такие просторы! Луны сюда! И звезд! Хотя бы одну, маленькую звездочку...

Он подошел к окну, резко раздвинул занавеси и вздрогнул от неожиданности.

– Ой!

– Что за черт?

Неизвестно, кто больше испугался, он или же хорошенькая рыжеволосая девушка, абсолютно ему не знакомая. Она стояла за портьерами и невольно вскрикнула, когда они вдруг резко раздвинулись. Не на этот ли раритет намекал Зигмунд? «В вашей комнате есть нечто лучше». Ай, угадал! Юное создание с глазами, сравнимыми разве что с переспелыми вишнями, и таким же темным, округлым ротиком, спелым, сочным, с аппетитной запекшейся корочкой губной помады. Не говоря уже о рыжих кудрях, похожих на гору пружинки, в беспорядке вываленных на голову девушке. Ей лет двадцать, не больше. Юная и хорошенькая. И пахнет от нее то ли булочками с корицей, то ли еще какой-то сдобой. Сладко и навязчиво, так что пробуждается зверский аппетит. Само очарование!

– Ты кто такая? – строго спросил он. – А ну, выходи на свет!..

Аперитив

...Субботнее утро выдалось мрачным, что вовсе не удивительно для ноября. Дождь кончился еще вчера, но небо по-прежнему было затянуто тучами. Он потянулся, посмотрел сначала в окно, потом на часы. Половина десятого! Пропал! А почему Елизавета Петровна его не разбудила? Мгновенно вскочил и побежал в ванную комнату. Через пятнадцать минут он уже сбегал по ступенькам, приглаживая волосы.

К его удивлению, за столом, по-прежнему накрытым в парадном зале, только теперь к завтраку, сидел один-единственный человек. Невозмутимый Федор Иванович.

– Доброе утро, – сказал Сивко без всяких эмоций и принялся намазывать масло на тост. Потом положил сверху ломоть ветчины и с аппетитом стал есть.

– Утро доброе.

Словно из-под земли вырос Зигмунд и предложил:

– Чай, кофе? Омлет, яичницу с беконом, овсянку?

«Сэр», – невольно улыбнулся Михаил. Обитатели замка начали его забавлять.

– Яичницу с беконом и кофе, – сказал он, покосившись на Сивко. – А где остальные?

– Дмитрий Александрович к завтраку еще не спускались, – позволил себе реплику Зигмунд.

– Что странно, – заметил Сивко. – Я знаю, он рано встает.

Словно в ответ на его слова в зале появился Воронов. Подтянутый, энергичный, похоже, давно уже на ногах, то ли пробежку совершал, то ли в тренажерном зале разминался.

– Доброе утро, господа. Зигмунд, мне крепкий горячий кофе. Очень крепкий и очень горячий.

Зигмунд тут же исчез.

– Как спалось? – спросил Воронов явно для проформы. По долгу гостеприимного хозяина.

– Отлично! – Михаил ответил за обоих.

Едва появился Зигмунд с кофейником, в зал вошел Иван Таранов. Он был сегодня в светлом джемпере и модных джинсах и так же хорош в повседневной одежде, как и в дорогом костюме. Темные волосы уложены волосок к волоску, будто перед тем, как спуститься к завтраку, красавец полчаса провел перед зеркалом.

– О! Почти все в сборе! – сказал Таранов с энтузиазмом и потянул носом: – Кофе! Крепкий горячий кофе! Я без него свое утро не начинаю!

Зигмунд тут же налил ему чашку и предложил яичницу с беконом.

– С удовольствием! – сказал Таранов. – У меня с утра зверский аппетит!

– Как спалось? – равнодушно спросил Сивко.

– Неплохо. Но часов до двух ночи мне мешали привидения.

– Привидения? – удивился Воронов.

– А что, нет в особняке таких?

– Это новый дом. Я сам его строил. Какие здесь могут быть привидения? – пожал плечами хозяин.

– Ночью кто-то ходил по этажу, плакала женщина. А потом смеялась. У тебя в замке отличная акустика, – пожаловался Таранов.

Зигмунд при этих словах вздрогнул и пролил кофе, а Михаил невольно покраснел.

– В доме три женщины, – задумчиво сказал Дмитрий Воронов. – Елизавета Петровна, Бейлис и Эстер Жановна. Интересно, кто из них плакал, кто смеялся, а кто крепко спал?

– Моя жена спала, – поспешно сказал Зигмунд. – Не сомневайтесь.

– Смеялась девчонка, – задумчиво протянул Таранов. – Так звонко, заливисто, я даже позавидовал, ей-богу!

– Это Бейлис перепила, – усмехнулся Сивко.

– А завидовал ты чему? – спросил Воронов.

– Парню, который был с ней.

Михаил покраснел еще больше. И в это время был брошен спасательный круг – появилась Елизавета Петровна и сухо бросила:

– Доброе утро.

Воронов посмотрел на часы и пожал плечами: половина одиннадцатого, поздновато. Но ничего не сказал. Елизавета Петровна выглядела неважно, бледный цвет лица, под глазами глубокие тени. Уж кто этой ночью точно не смеялся, так это она. Видимо, об этом подумали все, и вопрос с женским плачем отпал. Хотя... Не слишком ли поспешил с репликой Зигмунд? Усевшись, Елизавета Петровна попросила кофе и наотрез отказалась от завтрака.

– Ты на диете? – усмехнулся Таранов.

– У меня нет аппетита, – холодно ответила она.

– Бейлис, как всегда, опаздывает, – заметил Воронов после долгой паузы.

– Что ж тут удивительного? – скривилась Елизавета Петровна.

– Она вчера перепила, – сказал Сивко.

– Тем более ей надо прогуляться, – заявил хозяин замка. – Я планировал показать вам конеферму. Есть породистые скакуны.

– Предлагаешь устроить скачки? – рассмеялся Таранов.

– Предлагаю воздухом подышать, нагулять аппетит перед обедом.

– Погода плохая, – заметила Елизавета Петровна. – Ноябрь – самый отвратительный месяц в году.

– Не считая «Божоле», – заметил Сивко.

– Да, господа! – оживился Иван Таранов. – Ведь в третий четверг ноября праздник «Божоле»! В этот день лучше всего пить шестинедельное вино из винограда сорта Гаме. Мне его привозят самолетом прямо из Бургундии. Можно сказать, еще тепленьким.

– Как так тепленьким? – удивился Михаил.

– «Божоле» вино уникальное, – пояснила Елизавета Петровна, выразительно глядя на него. – Оно не подлежит долгой выдержке. Его пьют молодым. Лучше всего шестинедельным. И живет оно два-три года, не больше.

– Вся прелесть «Божоле» в его сиюминутности, – улыбнулся Дмитрий Воронов. – Есть вина, предназначенные для торжественных моментов в жизни, парадные и значимые сами по себе. А «Божоле» нужно для короткой, но яркой радости. Оно скрашивает унылые дни ноября, этот праздник для того и придумали: третий четверг. И ведь каждый год оно неповторимо. В прошлом году было красное, почти алое, и имело вкус свежего винограда.

– А в позапрошлом фиолетовое, – заметил Сивко. – Смородина и вишня. Да, каждый год разное!

– В этом-то и прелесть, – вздохнула Елизавета Петровна. – В неожиданности и яркости. Этот день ждешь, как праздник.

– Значит, в ноябре мы пьем только «Божоле»! – с энтузиазмом сказал Иван Таранов.

– Ты сегодня в прекрасном настроении, – заметила Елизавета Петровна.

– Да, похоже, я решил проблему.

– Деньги? – в упор посмотрела она.

– Что ж ты, милая, все сводишь к деньгам? – рассмеялся Таранов. – Главная проблема – это человек. Деньги молчат, а попробуй-ка, заставь молчать его.

– На то есть деньги, – пожала плечами она.

– А коли не берет?

– Все берут.

– Не надо обобщать, – раздраженно сказал Таранов. – Из всякого правила есть исключения. Это неприятно, но тут уж ничего не поделаешь. Россия, как никакая другая страна, богата идейными людьми. У нее больше исключений, чем правил. С этим надо считаться.

– Чем больше исключений, тем больше возможностей для маневра, – заметил Воронов. – По правилам можно доехать только из пункта А в пункт В.

– А тебе куда надо?

– Какой смысл ехать в пункт В, если туда едут все? Прибыл – а там уже целая толпа! Да еще и подъезжающие напирают. Зато есть смысл нарушить правила и оказаться там, где нет никого.

– Так можно и в тюрьму попасть, – мрачно пошутил Сивко. – В одиночную камеру.

– Однако, господа, одиннадцать, – глянув на часы, заметил Воронов. – Бейлис срывает нам культурную программу. Без нее пойдем на конферму или же разбудим?

– Без нее, – тут же откликнулась Елизавета Петровна.

– Э, нет, – не согласился с ней Таранов. – Дмитрий прав, девушке надо прогуляться. Хмель выветрит. Если мы хотим, чтобы красавица сегодня уехала, вновь не испортив нам вечера и аппетита за ужином, надо подготовить ее к рулю. Или ты ее подвезешь, Елизавета Петровна?

– Упаси боже! – вздрогнула та. – Три часа в одной машине с Бейлис! Да я с ума сойду!

– Решено, – подвел итог Воронов. – Зигмунд, пойдешь, разбуди спящую красавицу.

– Слушаюсь.

– Я, пожалуй, выпью еще чашечку кофе, – вздохнула Елизавета Петровна. – Мишель, поухаживай за мной.

– С удовольствием.

Зигмунд вернулся минут через пять, вид у него был странный.

– Что случилось? – спросил Воронов.

– Я не знаю, как сказать... э-э-э... – мялся сомелье.

– Ну?

– В общем, она, кажется, умерла.

– Что ты имеешь в виду?

– Сначала я стучал, – стал оправдываться Зигмунд. – Долго стучал. Потом несколько раз сказал: «Мадам, вас ожидают к завтраку». Но никто не ответил. Тогда я толкнул дверь, и... Она была не заперта. Я не сразу ее увидел. То есть... Я увидел ноги. Голые ноги, и деликатно отвернулся. А ее лицо... В общем... На нем лежала подушка. То есть лежит. Я не стал ничего трогать.

– Что ты несешь? – вздрогнула Елизавета Петровна.

– Женщина не шевелилась, и эта подушка... В общем, я думаю, она умерла.

Дмитрий Воронов вскочил, за ним остальные.

– Черт знает что! – выругался Таранов, швырнув на стол салфетку.

– Позвать охрану? – спросил бледный как смерть Зигмунд.

– Сначала я сам взгляну. Вдруг у тебя галлюцинации и она просто спит? – сказал Воронов.

– Да, надо подняться, – согласился с хозяином дома Сивко. – Елизавета Петровна, может, останешься?

– Вы сомневаетесь в крепости моих нервов? Я хочу знать, что случилось!

– Ты всегда все хочешь знать, – бросил Иван Таранов, направляясь к выходу. За ним потянулись остальные.

Первым по лестнице поднимался Дмитрий Воронов, последним шел Зигмунд. Волнения, как ни странно, никто не проявлял. Как будто убийство в жизни этих людей было рядовым

событием, таким же, как завтрак, обед и ужин. Подали труп, так что ж? И это переварим! У двери в комнату Бейлис Воронов остановился и, обернувшись, велел Зигмунду:

– Дай мне носовой платок. Или салфетку.

– Зачем?

– На дверной ручке могли остаться отпечатки пальцев убийцы, если это все-таки убийство. Я не хочу до нее дотрагиваться.

– Но я только что входил в комнату! – испугался Зигмунд.

– Не беспокойся, мы это отметим, когда нас будут допрашивать.

– Я вообще не хочу, чтобы меня допрашивали! – запротестовал Таранов.

– Да, нельзя ли как-нибудь уладить это мирным путем? – поддержал его Сивко. – Без вмешательства властей.

– По-моему, денег у нас достаточно, – присоединилась к мужчинам Елизавета Петровна. – Давайте будем заодно, господа. К чему нам полиция?

– А чего вы все так заволновались? – усмехнулся Воронов. – Мы еще не вошли и ничего не увидели. Вдруг она просто спит?

После чего он, аккуратно обернув дверную ручку белоснежной салфеткой, открыл дверь и первым вошел в спальню. За ним остальные. Огромных размеров кровать стояла посреди просторной светлой комнаты. Видимо, привычки Бейлис здесь хорошо знали, а также, какое значение имеет в ее жизни кровать. Первое, что бросалось в глаза, – длинные стройные ноги. Голые. Она была в трусиках-стрингах и кружевном бюстгальтере алого цвета. Лицо закрывала подушка, как и сказал Зигмунд. На столике рядом с кроватью стояла наполовину пустая бутылка ликера, рядом лежала пачка сигарет, в пепельнице окурки со следами губной помады. Видимо, Бейлис курила и пила ликер в ожидании кого-то, а потом заснула. В этот момент в комнату тихо вошел (или вошла) убийца и удушил ее подушкой. Бейлис была сонная и пьяная, сопротивлялась она недолго.

– Черт возьми, – пробормотал Иван Таранов.

– Теперь она никогда уже не напишет свою книгу, – тихо сказала Елизавета Петровна.

Дмитрий Воронов подошел к кровати и снял с лица Бейлис подушку. Все вздрогнули. Лицо ее было искажено гримасой удушья, алая помада размазана подушкой, отчего та казалась окровавленной. Над худеньким телом с выпирающими ребрами неестественно возвышались бугры ее огромной силиконовой груди. Было такое ощущение, что на кровати лежит сломанная Барби.

– Ну что будем делать, господа? – спросил Воронов.

– Надо подумать, – ответил за всех Иван Таранов. – Может, концы в воду, а? Спрятать ее тело и... Никому ничего не говорить.

– То-то родственнички обрадуются, – усмехнулся Сивко и пояснил: – Я имею в виду дочерей Льва Абрамовича.

– Она наверняка сказала подружкам, куда направляется, – заметила Елизавета Петровна. – Но я за внутреннее расследование.

– Что ты имеешь в виду? – в упор посмотрел на нее Воронов.

– В замок ночью никто не входил, ведь так?

– Разумеется, это невозможно, – резко сказал тот. – Снаружи охрана и злые собаки. На ночь их спускают с привязи. А дверь в дом заперта.

– Значит... – Елизавета Петровна выразительно обвела взглядом коллекционеров вина.

– Один из нас, – хрипло рассмеялся Таранов.

– Есть еще прислуга, – тут же отреагировал Сивко. – Кстати, где Зигмунд?

Сомелье и в самом деле не было в комнате.

– А вы заметили, с какой ненавистью он вчера смотрел на Бейлис, господа? – спросила Елизавета Петровна.

– Особенно когда она сказала, что выльет в сортир коллекционное вино, – подхватил Таранов.

– Да, Зигмунд – фанатик, – согласился с ними Воронов. – Для него слова Бейлис – свято-татство. Его жена большой специалист в купажировании вин. Они всю жизнь прожили в Молдавии при известном винодельческом хозяйстве «Пуркаръ». Можно сказать, идеальная пара. Оба отлично разбираются в вине, мечтали о собственном винограднике, но вынуждены были эмигрировать в Россию. Зигмунд долгое время оставался здесь без работы из-за проблем с российским гражданством.

– И не напрягает их быть у тебя в услужении? – усмехнулся Таранов.

– Я об этом не задумывался, – резко ответил Воронов.

В этот момент появился Зигмунд и взволнованно сказал:

– Дмитрий Александрович, вас хочет видеть начальник охраны.

– Что случилось?

– Вам лучше спуститься.

– Мы все спустимся, – заявил Сивко. – Теперь это наша общая проблема.

– Да, да, – кивнула Елизавета Петровна. – А ты, Мишель, что молчишь?

– Что я могу сказать? – развел тот руками. – Я ее почти не знал.

– Однако это тебя она приглашала ночью в свою спальню, – заметил Сивко. – И, дожидаясь, потягивала ликерчик.

– Но зачем мне ее убивать?

– Может, она и про тебя что-то знала? – подмигнул Таранов.

– Идемте, – нетерпеливо сказал Воронов. – Не будем терять время, господа. Я хочу знать, что случилось.

Хозяин замка вышел последним и аккуратно прикрыл дверь в комнату Бейлис, все так же обернув руку салфеткой. Гости цепочкой пошли по длинному коридору и стали спускаться вниз по ступенькам. У начала лестницы переминался с ноги на ногу здоровенный детина в камуфляже. Вид у него был растерянный. Пахнуло едким мужским потом, кожаными ремнями и крепкими сигаретами.

– Что случилось? – нетерпеливо спросил Воронов уже с середины лестницы.

– Я прямо не знаю, как сказать, Дмитрий Александрович, – замялся детина.

– Говори!

– Поутру на пашне обнаружены следы. Парни делали обход, как обычно, и...

– Что?!!

– Вот такое дело, – развел руками детина и добавил: – Вы уж извините.

– Когда обнаружены? – резко спросил Воронов.

– Я ж сказал: поутру.

– Назови точное время.

– Как только рассвело, так они и пошли делать обход... В начале девятого.

– Почему сразу не доложил?

– Так вы ж спали.

– У вас есть инструкции: обо всех происшествиях докладывать мне тут же, – отчеканил Воронов. – Обо всех нарушителях. Вы прекрасно знаете, что мы находимся с местными жителями в состоянии войны.

– Тут такое дело... – почесал бритый затылок начальник охраны.

– Какое? Ну? Что ты мнешься? – закричал Воронов. Остальные тоже были в нетерпении.

– Следы-то женские!

– Как-как?

– Я говорю: женские. От модельных сапожек. У-узенькие. Вот такие, – пальцами огромной лапищи показал детина. – Потому мы и не стали вас беспокоить. Ну не будет же дамочка хулиганить в ваших подвалах? Бутылки бить да элитный коньяк хлестать.

– Смотри какая дамочка, – хмыкнул Таранов. – Взять нашу Бейлис...

– Она умерла, – резко оборвала его Елизавета Петровна.

– Пардон. О покойниках либо врать, либо никак. Промолчу, – усмехнулся Таранов.

– Значит, на территорию замка проник посторонний, – задумчиво сказал Воронов. – То есть посторонняя. Но почему же собаки ее не тронули?

– Да мы и сами голову ломаем: почему? – засмутился детина.

– Может, вы их и не спускали? – подозрительно спросил Воронов.

– Да что вы такое говорите, Дмитрий Александрович! Как можно!

– Тогда что же это за собаки такие? Какой-то *особой*, доброй породы? Где вы их взяли?

– Собаки нормальные. Злющие, мы их сами боимся.

– Тогда что с ними случилось этой ночью?

– Может, она секрет какой знает? Или заговор.

– Дурак, – бросил Воронов. – Еще какую-нибудь чушь скажи. Как она вошла? Через забор перелезла? В модельных сапожках? Или сама Никита сюда пожаловала? Коньячку выпить захотелось?

– Зачем через забор? Она вошла в заднюю калитку.

– Она же всегда заперта! – заорал Воронов.

– В том-то и дело. Заперта, да. И сейчас заперта. Но следы ведут через пашню к калитке и возле нее обрываются. По нашу сторону нашлепки грязи на тропинке. Дамочка вошла и ногами потопала, сапожками модельными, чтобы грязь с них стряхнуть. Судя по тому, что грязь подсохла, дело было вчера вечером, не сегодня поутру. Она вчера приехала. Машину, видать, оставила в деревне. Или на рейсовом автобусе добралась. На подъезде к воротам мы бы ее засекли. Она и дернула пехом через пашню. Там темень и грязь непролазная.

– А потом куда она делась?

– А я почем знаю? – развел руками начальник охраны.

– Значит, кто-то ее впустил. У нее был сообщник, господи! – заявил Воронов гостям. – Кто-то в замке. Но кто?

Ответом ему было молчание.

– Коля, твои парни вне подозрений? – вновь накинулся Воронов на начальника охраны. – Может, к кому-нибудь из них любовница пожаловала?

– Дмитрий Александрович! – взмолился тот. – Обижаете! Вы ж им столько платите! Я каждого из них лично проверял!

– Тогда кто?

– А я почем знаю? У гостей своих спросите, – сказал детина, глядя в потолок.

– Дмитрий, ты что, нас подозреваешь?! – вскрикнула Елизавета Петровна.

– А что мне остается? Вчера приехали вы, и ночью же на территорию проник посторонний, которого сюда *впустили*. Что мне остается, господи?

– Уж не думаешь ли ты, что мы хотим тебя обокрасть? – зло спросил Сивко.

– А чего вы тогда от меня хотите? Чего?!

– Это ты от нас чего-то хочешь, – негромко сказал Таранов.

– Я пригласил вас в гости. А вы чем ответили на мое гостеприимство? Воспользовались моментом, да?

– Нам всем надо успокоиться, – устало сказала Елизавета Петровна. – Успокоиться и подумать.

– Некогда думать, – резко сказал Воронов. – Надо ее найти. Эту женщину.

– Пойдите, господа, – сообразил вдруг Таранов. – Но если в замок проник посторонний... Если его, то есть ее, нет на территории, которую, я не сомневаюсь, за несколько часов уже обшарили... Это значит... Значит, она сейчас в замке!

При этих словах Зигмунд вздрогнул.

– Да, это так, – кивнул Воронов. – Эта женщина в замке.

– Вот вам и убийца, господа! – с энтузиазмом сказала Елизавета Петровна. – Вот вам и решение проблемы! Никто из нас ее не убивал!

– А ведь верно! – заволновался Сивко. – Нам-то это зачем? А вот тому, кто, крадучись, ночью приходит в дом...

– Мы ее поймем и сдадим полиции, – произнес Таранов. – И проблема решена, господа.

– Я извиняюсь, – вмешался начальник охраны. – Вы о чем говорите-то? О каком труп?

– Одна из моих гостей задушена ночью у себя в спальне, – сухо сообщил Воронов.

– Так позвольте, Дмитрий Александрович, полицию вызвать.

– Не надо, – поморщился хозяин замка. – погоди с полицией. Это всегда успеется. Перекройте все ходы и выходы, будьте бдительны. И спустите собак. Хотя... Какой от них толк?

– Собаки нормальные, – заволновался начальник охраны. – Я лично...

– Все, иди, – оборвал его хозяин. – Когда надо будет, я тебя позову.

– Есть!

Как только дверь за начальником охраны закрылась, Воронов спросил у гостей:

– Как вы думаете, кто бы это мог быть, господа? Я имею в виду женщину, тайно проникшую сюда ночью для того, чтобы задушить Бейлис.

– Как кто? – сказал Таранов. – Наследница!

– Наследница? – переглянулись Сивко и Елизавета Петровна.

– Конечно! Вспомните завещание Льва Абрамовича! У него три дочери от первого брака.

А он все отписал второй жене и ее сыну. Который, мол, неизвестно от кого рожден. Ведь к тому моменту Льву Абрамовичу перевалило за семьдесят!

– Это надо обсудить, – взволнованно сказала Елизавета Петровна и покосилась на Зигмунда. – Но не на лестнице же?

– Лиза права, – поддержал ее Воронов. – Пройдемте ко мне в кабинет.

– Но надо ж ее ловить! – закричал Таранов. – Какой толк обсуждать, кто бы это мог быть? Убийца, вот что главное! Поймать и...

– Замок огромен, – заметил Воронов. – Надо распределиться. Какой толк носиться по этажам, тем более вам, вы же здесь плохо ориентируетесь?

– А у тебя есть план замка? – спросил Сивко.

– Я вас за тем и приглашаю в кабинет. Она отсюда не выйдет. На смотровой башне до темноты будет стоять человек из охраны. Даже если ей опять удастся перехитрить собак, ее увидят, когда она пойдет через поле. И догонят, не сомневайтесь. До вечера уйма времени, господа. Мы ее непременно поймем. А где Зигмунд? Зигмунд!

Сомелье опять исчез. Зато появилась Эстер Жановна, которая выглядела уставшей и больной, но держалась, как всегда, прямо. Сдвинув брови, она холодно отчиталась:

– Зигмунд делает ревизию в кладовой. Какие будут распоряжения насчет обеда, Дмитрий Александрович?

– Ах, разве нам сейчас до еды! – воскликнула Елизавета Петровна.

– Мы вчера составили меню, – поморщился Воронов.

– Но, может, в нем будут какие-то изменения?

– Нам всем не до того. Что будет, то и будет. Я имею в виду, на столе.

– А что насчет вина?

– После. Обо всем этом после. Идемте, господа.

«Бургундское»

Кабинет хозяина замка находился на втором этаже, и они вновь стали подниматься по лестнице. Иван Таранов, едва очутившись в кабинете, возбужденно потер руки и с энтузиазмом воскликнул:

– Охота, господа! Это будет поинтересней скачек! Воронов, а у тебя шикарная культурная программа!

– Скажи еще, что я устроил это убийство, чтобы вас развлечь, – усмехнулся тот.

– С каким удовольствием я изловлю диверсантку! – не унимался Таранов. – Уверен, она хорошенькая!

– Сексуальный маньяк, – бросила Елизавета Петровна, усаживаясь в кресло.

Воронов тоже сел и обвел взглядом гостей:

– Итак, кто из вас лучше всех знал покойного Льва Абрамовича? Новичок отпадает, он с ним не знаком. Так, Михаил Андреевич?

– Разумеется! – Он огляделся. Стол, стул, полки с книгами. На столе фотография в рамке: женщина лет тридцати пяти – сорока. Рыжеватые волосы, круглое лицо, полная белая шея... Перехватив его взгляд, Воронов взял фотографию и положил ее на стол изображением вниз. Спросил:

– Ну? Кто начнет?

– Я его знала неплохо, – поежилась Елизавета Петровна.

– Я тоже, – неохотно сказал Таранов.

– Да, ты был в его доме частым гостем, – с усмешкой заметил Сивко и не удержался: – Особенно в отсутствие хозяина.

– Что ты имеешь в виду? – вскинулся Таранов.

– Бейлис была болтлива, – вздохнула Елизавета Петровна. – О вашем с ней романе знали все.

– Да не было никакого романа! – запротестовал Таранов. – Я просто с ней спал! Иногда, – добавил он.

– А у тебя, выходит, был мотив, – пристально глянул на него Воронов.

– Господа, господа, – заволновалась Елизавета Петровна. – Мы же решили, что Бейлис убила женщина, тайно проникшая ночью на территорию замка. Если копнуть, так мотив был у каждого из нас. Вспомните вчерашний вечер!

– Да, Бейлис разозлила всех, – согласился с ней Сивко. – Но душить ночью подушкой? Как-то это... неприятно.

И Федор Иванович поморщился.

– Торговать женскими трусами тоже неприятно, – усмехнулся Таранов. – Но ты же это пережил. Или скажешь, не было?

Сивко бросил на него злой взгляд, но промолчал.

– Наш Федя тихушник, – заметила Елизавета Петровна. – А в тихом омуте, как известно...

– Мы здесь не для того, чтобы устраивать разборки, – вмешался Воронов. – И вовсе не затем, чтобы обсуждать наше прошлое и личную жизнь. Необходимо вспомнить всех родственников Льва Абрамовича и выяснить, кто эта женщина.

– У него три дочери, – медленно сказала Елизавета Петровна. – Старшей лет пятьдесят. Я ее хорошо знаю. Это не она. Вторая дочь Льва Абрамовича на пять лет моложе сестры. Мы с ней ровесницы...

– Наконец-то я с точностью узнал, сколько тебе лет! – рассмеялся Таранов. – Сорок пять! Ай, проговорила!

– Я никогда не скрывала свой возраст, – зло сказала Елизавета Петровна. – И дату в паспорте не подделывала.

– Бейлис подделывала, – вмешался Михаил.

– Что ты имеешь в виду, Мишель?

– Она подделала дату рождения, и сам паспорт у нее вроде бы фальшивый. Она сама мне вчера проболталась.

– А с какой стати она с тобой откровенничала? – подозрительно посмотрела на него Елизавета Петровна.

– Потому что напилась.

– Что ж... Я всегда знала, что она фальшивка! И тело ее, и душа, и уж, конечно, биография! Все – фальшивка! Но вернемся к наследницам. Третьей дочери Льва Абрамовича тридцать пять, и она еще не замужем. У старших ее сестер по дочери. Одной около тридцати, а другая совсем юная. Студентка, насколько я помню. И одна правнучка. Но она совсем малышка, ее мы со счетов сбрасываем. Старшую дочь Льва Абрамовича тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.